

Министерство культуры Самарской области,
Самарская областная универсальная научная библиотека
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Юрий Астанков

НАЗОВИ СВОЁ ИМЯ

Русское эхо
2023

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
А 91

Астанков Ю.В.

А 91 Назови своё имя: Стихи. — Самара: Самарская
областная писательская организация, 2023. — 160 с.
ISBN 978-5-9938-0065-3

«Назови своё имя» — первая книга самарского поэта Юрия Астанкова. В своё время он был участником IX всесоюзного совещания молодых писателей СССР. Опубликовался в многочисленных самарских изданиях.

ISBN 978-5-9938-0065-3

© Астанков Ю.В., 2023
© Самарская областная
писательская организация, 2023

Поэты

Ах, эти поэты... они бестолковы.
В них напрочь отсутствует хватка паучья.
Они, словно дети, поверили в слово,
Что схвачено ритмом и рифмой летучей.

Зачем и кому это нужно — не знают.
Давно уж закончилось время поэтов.
Но как увлечённо словами играют,
Особенно ночью, за час до рассвета.

И крик петушиный, услышав, зевают,
И спят до полудня, шторы задёрнув.
А ночью опять в горний мир улетают,
Где скрипки волнуются, вторя валторнам.

И ангелы запросто их понимают,
И даже поведают о мироустройстве.
И тут-то поэты назад прилетают
В великом смущении и даже расстройстве.

И с пугала сдёрнув тулуп в огороде,
Бормочут не в рифму о вере и счастье.
С блуждающим взглядом по городу бродят,
Пугая ворон и прохожих отчасти.

Им что-то открылось? Но слово бессильно.
Ни рифмой, ни ритмом беде не поможешь,
Когда под тулупом топорщатся крылья
И небо зовёт, и так жалко прохожих.

АДАМ

Для рая не подобраны ключи,
И кто рискнул бы справиться с замками?
Когда сердца тут обжигает пламя
Горящей на подсвечнике свечи.

Они утеряны вначале в том саду,
Где куст укрыл дрожащего Адама.
И на вопрос: «Где ты?» — Адам упрямо
Отвечал, что он уже в аду.

.....
«Отсюда нет исхода никуда.
Я виноват, и я вину приемлю.
Я получил в наследство эту землю.
Здесь всё моё — и почва и вода.

А рай? Что рай? Воспоминанье детства?
Прекрасный миф и сказочный сюжет.
Я думаю, что рая вовсе нет.
Но ад весь тут, он рядом, по соседству.

И я сроднился с ним, я стал иным.
Мне ни к чему ни смысл, ни подвиг веры.
И для меня приятен запах серы
И тот огонь, в котором мы горим».

Но даже через бездну пустоты
Он слышит голос тихий, как молчанье,
Что повторяет, словно заклинанье:
«Но где же ты? Где ты? Адам, где ты?»

ДЕРЕВО

Без нужды не трогай дерево,
Не терзай его пилой.
Сколько дереву отмерено,
Пусть живёт в глуши лесной.

Пусть растёт на радость птицам.
Тень даёт, когда жара.
Пусть ему ночами снится
Благодатная пора.

Первый день, когда из семени
Вдруг проклюнулось на свет.
У природы нету Времени
И Бессмертья тоже нет.

Мы живём и убиваем,
Чтобы выжить, чтобы жить.
Убивая — убываем
И теряем часть души.

Но когда придёт расплата
И оглянемся назад,
Тихо спросит гость крылатый:
«Где душа твоя, мой брат?»

Икона Андрея Рублёва «Троица»

Три ангела в молчании светлом
Над чашей с кровию тельца.
Их Лики мыслию заветной
Сияют в золотых венцах.

Не Троица, а Единица,
Не единица — три Лица,
И между ними нет границы:
Всё есть в Отце и от Отца.

И маврикийский дуб склонённый,
Небесных красок полыхание.
И Троицы уединённой
Непостижимое молчанье...

НА РАССВЕТЕ

Как долго тянутся рассветные часы,
Пока земля, вздохнув, не отзовется.
На паутине серебро росы,
Где в каждой капле затаилось солнце.

И, вглядываясь пристальней, могу
Попасть туда, в иное измеренье,
Где чайки на безлюдном берегу
Сверкают белоснежным опереньем.

И где туман над Волгою плывёт,
И огибает камыши по краю,
Горбатой цапли царственный полёт
Я в этом измерении наблюдаю.

Где шум от крыльев наполняет слух
И к облакам так просто прикоснуться.
Но в этот миг захватывает дух,
И я боюсь обратно не вернуться.

В ПАРКЕ

1

И после разыгравшейся метели
Нет в парке ни прохожих, ни следов.
Кустарник в запорошенной аллее
Облюбовала стая воробьёв.

Они слетают вниз, как будто с горки,
И снова вверх порхают налегке.
И всё свистят свои скороговорки
На первобытном, птичьим языке.

Что так звучит прозрачно и задорно,
В себе тая иные времена.
И склёвывают ягоды проворно,
И шелушат умело семена.

2

И чуждо им стремление к постоянству.
И не терзают их раскаяние и стыд.
Они живут в неведомом пространстве,
В которое нам путь давно закрыт.

Но я для них гляжусь безликой тенью,
Что молча ждёт чего-то в стороне.
И наблюдаю их перемещенья,
Что представляются бессмысленными мне.

А тень бессмысленна, с их птичьей точки зрения.
Они забыли слово «человек».
И вдруг переполох и свист, и возмущение,
И шум от крыльев, и летящий снег.

И я отпрянул в сторону невольно,
Как будто бы очнувшись ото сна.
И стая скрылась в роще белоствольной,
Где следом воцарилась тишина...

ОСЕНЬ

Клин журавлей. Порывы ветра.
Их обрывающийся крик...
Когда тускнеют краски лета,
Являя Бога скорбный лик.

Не Духа, грезящего миром,
Царящего над бытиём,
А бесприютного и сирого,
Которого не узнаём.

Ни звёздной славы, ни величья,
Ни Слова огненного там,
Где мшистый лес и вспышки птичьи
По облетающим верхам...

ПЕРЕХОД

Когда иссякнут силы,
Закроются глаза.
До вырытой могилы
Домчат за полчаса.

Опустят гроб в суглинок.
Поклонятся земле.
Потянутся с поминок
Слегка навеселе.

И скоро позабудут.
У всех свои дела.
Но жизнь как дар, как чудо
Уже произошла.

Уже случилось что-то,
Что сразу не принять.
Но крылья для полёта
Не время расправлять.

Ещё лежать в молчанье
Укутанным до пят.
И думать в такт дыханью —
Бог дышит за тебя...

СЛЕЗА НА ЩЕКЕ

Я поименован
И этим обречён.
Я словно втиснут в слово,
Как в беспробудный сон.

И не поднять мне веки,
И не осилить тьму...
Но вспять стремятся реки
К истоку своему,

Где ясно, как в начале,
До всякого пути,
И крылья за плечами
Подскажут мне: «Лети».

И откровенье Света,
И где-то вдалеке
Безумная планета
Слезой на щеке.

«КОГДА И ПЕРЕВОД НЕ НУЖЕН...»

А в будущем развалин нет,
Есть свет любви и откровенье,
Где Бог почтил прикосновеньем
Одну из тысячи планет.

Насквозь прозрачна тишина,
Вот так бывает на рассвете.
Там повторяет лёгкий ветер
Воскресших в Боге имена.

Они звучат на языке,
Когда и перевод не нужен.
Его с рожденья знают души,
Но забывают вдалеке.

Подхватывает их гомон птичий
И плеск живого родника.
И долго длится перекличка,
Не день, а целые века.

Но в этой жизни, второпях,
Себя гублю неудержимо.
И там, где в прошлом смертный страх,
Произнесут ли моё имя?

Я научился

Я научился жить не торопясь,
Смотреть на звёзды, на деревья, реку,
С подлунным миром утверждая связь,
Что испокон доступно человеку.

Я, как трава, расту и вверх, и вширь,
Я, как гроза, взрываюсь гневом грозно,
И, как кузнечик, я учу цифирь
По меркнувшим перед восходом звёздам.

Я научился жить не торопясь
И не сводить докучливые счёты.
Я воздух пью губами, горлом всласть,
Как мёдом переполненные соты.

И не заложник суетной молвы.
Любовь и смерть — вот две мои печали.
Но кто торопится — по-своему правы,
Им о любви ещё не рассказали.

ЭТИ ЗВЁЗДЫ СЯЮТ ЯРЧЕ

И, когда я пройду сквозь стены,
Под собою не чуя ног,
Я надеюсь, что во Вселенной
Мне отыщется уголок.

И мне многого, в общем, не надо
Там, где Время замкнёт кольцо:
Свет Рождественского снегопада
И меж хлопьев твоё лицо.

А глаза пусть растерянность прячут,
Что не числюсь среди живых...
Эти звёзды сияют ярче
Всех приблизившихся, остальных...

С УТРА ШЁЛ СНЕГ

С утра шёл снег. Заволокло
Всё пеленою мутною.
И наблюдал я сквозь стекло,
Как отрешённо и светло
Он город в мех укутывал.

Из детства помнишь ли слова:
«Спи, ёлочка, бай-бай».
Но далеко до Рождества,
И снег, начавшийся едва,
Растает, так и знай.

Но первый снег — как первый век,
Где в глубине времён
Был самый первый человек
Бессмертью обречён.

Смотрел на Вечные снега
Тот баловень судьбы.
И Ева куталась в меха
Созвездий голубых.

Когда ж Адам позвал: «Жена», —
Всё было решено.
И появились имена,
И разделились времена
На «до» и «после», но...

Тот первый снег идёт во мне.
Заказан в Вечность путь.
Слова, как хлопья в вышине,
Толкутся в мёртвой тишине
И выстужают грудь.

Источник жизни

Как наши изменяются тела:
Сутулимся, и нет того размаху.
Одно из двух: топорщатся крыла
Иль горб растёт и пригибает к праху.

Источник жизни нашей в небесах.
Но, может быть, последнее упрямство
Поборет немощь и звериный страх,
В Эдемский сад преобразив пространство.

И только там и встретит нас Господь,
Когда в раскаяние умоемся слезами.
Навстречу выйдем, и растает плоть,
Как тает воск свечи, горящей в храме.

И в новом теле возродится дух,
Но наяву проходят дни за днями.
И как же выбрать тут одно из двух,
Когда земля так близко под ногами.

А небо бесконечно манит нас,
Хоть говорят, что это просто воздух.
И дальше пустота, насколько хватит глаз,
Там, где живут и погибают звёзды.

Да что до них, сгорающих во мгле,
Когда порою плачу от бессилья.
Как спелый колос, я клонюсь к земле.
В дни божьей жатвы мне б расправить крылья.

Но горб растёт и пригибает вниз,
Надежда оставляет в час заката.
По малой капле утекает жизнь,
И мне не счесть огрехи и утраты.

И падает звезда, скользнув за горизонт,
В саду осеннем торжествуют тени.
Живой души стремительный полёт
Вдруг начинается на грани сновидения...

МУЗЫКА В САДУ

Звучала музыка в саду,
И дирижёр под сенью клёнов
У всех прохожих на виду
Махал руками упоённо.

Он эту музыку любил,
И не было важней работы,
Коль отдавал так много сил,
Чтоб донести до нас все ноты.

Чтоб рассказать нам об ином,
Ему открытом измерении,
Где голубь задевал крылом
Сюда собравшиеся тени.

И подпевали соловьи
Чайковскому в саду публичном
О вечных таинствах любви,
Что в голосах искрилась птичьих.

И тени встали в полукруг,
И, восхищённые талантом,
В себя вбирали каждый звук,
Что отдавали музыканты.

И музыка, и птичий гам
Слились в одно произведение.
И проступали лица там,
Где только что стояли тени.

СКРИПКА

Скрипка поёт на последнем пределе,
Пророча не встречу, скорее разлуку.
И чувствую, как просыпается в теле
Живая душа, так послушная звуку.

Она вслед за нотами улетает
И с вечными истинами накоротке,
Всё кажется, что-то про мир понимает,
Как тонкий смычок в гениальной руке.

Что струны терзает то нежно, то властно,
Держа про себя неприступную цель,
Преображает живое пространство,
Как вдруг налетевшая в город метель.

И в зале концертном весёлые вихри,
Печальные вихри торжественных нот,
То вырвутся вон, то устанут и стихнут,
У входа в Эдем прерывая полёт.

И чёрная пауза длится столетия.
Аплодисменты взметнулись волной,
Но в скрипке опять зарождается ветер,
И вновь есть надежда вернуться домой.

МЕТЕЛЬ

Морозной и метельной ночью
Ко мне во сне пришли слова.
«Тебя заруют в полдень в почву,
Где будут корни и трава».

И я поднялся спозаранку,
Смотрел, как снег пронзает тьму.
И жизни грустная изнанка
Открылась взору моему.

И я представил это действие,
К стеклу прижав горячий лоб.
Как два работника из местных
На крепких стропях спустят гроб.

И там-то, где ветвятся корни
И запасают влагу впрок,
Возлягу немо и покорно,
Укрытый с головы до ног.

И эта откровенность ночи
Не то что испугала, нет.
Ведь семя, брошенное в почву,
Всей мощью тянется на свет.

А я похож на это семя,
В себе храня вселенский код?
Когда вдруг оборвётся время,
То сразу ль Вечность настаёт?

Об этом не узнает тело,
Всё будет так, как было встарь.
Работники закончат дело,
Собрав нехитрый инвентарь.

И так захочется обратно,
Где серебристый блеск реки...
Но, холм земли примяв лопатой,
Поправят свежие венки.

Ну, вот и всё. Темно и сыро.
Себя не помнит естество.
Все разойдутся по квартирам,
Меня оставив одного.

И в этот миг душа очнётся,
И оторопь сойдёт на нет.
И полечу туда, где солнце,
За ангелом своим вослед.

.....
Так я смотрел в тот мрак кромешный,
Где фонаря качался свет.
На вечность теплилась надежда,
Ведь кроме ничего и нет.

В сосновом лесу

1

Я глохну от обилья лишних слов,
Я слепну от мельканья красок вздорных.
И ухожу в сосновый лес просторный,
Где тишина из птичьих голосов

Как будто соткана, где после ливня сухо
И тени забавляются игрой.
Где пёстрый дятел бьёт по древу глухо,
Выискивая живность под корой.

Здесь можжевельника раскинут тёмный куст,
Затянутый ажурной паутиной.
И даже под ногою резкий хруст
Не нарушает общую картину.

Блуждает мысль, и кажется, что нет
Ни страшных войн, ни старости, ни смерти,
А только бьющий через кроны свет
И по верхам прошелестевший ветер.

2

Там спуск в овраг и между мха ручей,
Что лёгкою прохладой отзовется.
И хвощ, как сотни восковых свечей,
Горит по краю на умытом солнце.

С ним изумрудней кажется трава,
Где влага задержалась на мгновение.
А все затёртые до глухоты слова
Приобретают новые значения.

Как необычно слово благодать,
В нём так нагляден образ сотворения,
Что, просветляя, возвращает зрение,
И мир сияет и звучит опять.

БАХ

Понимая, что дело швах
И над миром встаёт Люцифер,
Иоганн Себастьян Бах
Слушал музыку сфер.

Он прислушивался к каждому звуку
И записывал на нотный стан
Душ погибающих страстную муку,
Небесной музыки океан.

Волны вечности били в окна,
Свеча трещала на столе.
И Баху было одиноко,
Он один слышал эту музыку на земле.

Орган вздыхал и преодолевал страдание,
Повторяя небесные ноты,
Иоганн Себастьян сдерживал дыхание
Во время головокружительного полёта.

Но едва он достигал небес,
Как Люцифер движеньем мизинца
Музыканта сбрасывал вниз,
Дабы повеселиться.

И преодолая ужас,
Бах играл, и расступалась тьма.
Люцифер затыкал уши,
Чтобы не сойти с ума.

Гость

Сосновый лес, просвеченный насквозь.
Июльский воздух с пряным ароматом.
Сюда вхожу, как опоздавший гость,
С растерянной улыбкой виноватой.

Где чуть пожухла летняя трава,
Но зверобой желтеет на поляне,
Что тихо окликает синева
В редеющем предутреннем тумане.

И на стволах янтарная смола,
Где солнце показалось на мгновенье.
Здесь лес не знает ни добра, ни зла,
В себе тая небес прикосновение.

Но только здесь пространство тишины,
В которую смогу войти, как в воду.
И обрести последнюю свободу
От до конца не понятой вины.

НОКТЮРН

1

В саду с утра студёное дыхание.
Стай журавлиных тающий пунктир.
И здесь приходит ясность понимания,
Где осыпается привычный взору мир.

Весь без остатка, и уходят формы.
Преобладают пятна и штрихи.
И засыпают у деревьев корни
В своих жилищах, тёмных и глухих.

И входит в мир отчаяние печали,
Когда окликнула осенняя пора.
Но георгины здесь не отпылали,
Ещё цветут и радуют с утра.

И шмель в них копошится по-хозяйски,
На чёрной шубке жёлтая пыльца.
И хоть тускнеют и линяют краски,
Но не затронуло отчаяние сердца.

Ведь жизнь не кончена, и есть ещё надежда,
Что всё вернётся на круги своя.
Ещё увидим, как цветёт подснежник,
Окликнув в поднебесье журавля...

2

И с крыш течёт, и с каждым днём теплей,
Хотя ночами подмерзают лужи.
Мохнатый шмель ползёт из-под корней,
Где переждал беспмятство и стужу.

Сверкнёт над Волгой первая гроза,
И рыжий кот, разлэгшись у рассады,
Прикроет заблестевшие глаза,
Внимая запахам оттаявшего сада.

И кажется, что время не спешит.
И всё располагает к созерцанию.
Но где-то там, на самом дне души
Таится осени студёное дыханье...

ЗА ПЕСНЕЙ НОВОЙ

Суровой ниткою зашит
Мешок холщовый.
«Куда отправился пиит?»
«За песней новой».

«Зачем идёшь в столь поздний час,
Что гонит к ночи?»
«Исчерпан слов моих запас,
До многоточий».

«И где собрался ты искать
Звучащий воздух?»
«В полях я буду собирать
Цветы и звёзды.

Там я услышу тишину,
Как слышат птицы.
И положу в мешок луну —
Авось сгодится.

Рассветы, вербу, облака,
Всё, что замечу.
Грозы донёсшийся раскат
И чудо речи.

И всё, что сердце проживёт —
Тоску ль, обиды, —
Сказал и, выйдя из ворот,
Пропал из виду.

ПРОСТЫЕ МЫСЛИ

Хотел бы понять про небо,
Про землю, про воздух и воду,
Про эту краюху хлеба,
Про солнце и непогоду.

Про эти горные кручи,
Где козы живут и йети,
Про снеговые тучи,
Что рвёт не жалея ветер.

Про розу в склеенной вазе,
Её аромат слабеет.
Снег начинается сразу
От дома и до аллеи.

И в этом круженье белом
Приходят простые мысли.
Как роза, слабеет тело,
В котором всё меньше жизни...

Бесспорно, что кто-то ответит
Про землю, про воздух и воду.
Но главный вопрос — о смерти,
Что молча стоит у входа.

Небо склоняется ниже,
В окне непроглядная темень.
Вечность подходит ближе
И отменяет время...

ВОРОНЫ НАД ПОЛЕМ

Осенние поля в рассветной дымке
И стая потревоженных ворон.
Как будто на старинном фотоснимке,
Слегка размытом, вид запечатлён.

Но это продолжается мгновенье.
Край солнца показался над жнивьём.
И первый луч одним прикосновением
Всё изменил, и вспыхнул окоём.

И залито всё золотом, всё ясно,
Где чёрных птиц переполох затих,
Что ослепительны и так собой прекрасны,
Что я стою, любясь видом их.

Они все разбредаются вразвалку
И чистят перья, распутив крыло.
Берёзы в выцветших, прозрачных полушалках
Стоят поодаль, вот и рассвело...

О, Господи, как благодатно зрение,
Как полон слух рассветной тишиной.
Я чувствую Твоё прикосновение,
Не уходи, побудь ещё со мной...

КОШКА, ПТИЦЫ, РЫБЫ

Кошка не знает, что она кошка,
Просто сидит и смотрит в окошко,

Где птицам вольготно летать и резвиться,
Но птицы не знают, что они птицы.

Ведь рыбы, в воде шевеля плавниками,
Не смотрят за нашими поплавками.

Хотя обнаружить подвох и смогли бы,
Но рыбы не знают, что они рыбы.

Когда их выуживают, сразу немеют
И удивляются перемене.

Порою я думаю: обозначения
Имеют ли смысл глубину и значения?

Ведь всё, что ухвачено словом, скудеет,
Сжимается в точку до звука, до тени.

Вот и выходит, что все наши знания
Лишь отзвук, лишь отсвет всего мироздания.

И что за словами, за этой границей,
Где кошка не кошка и птицы не птицы.

И рыбы не рыбы под водной гладью,
Что так переменчива на закате.

Скрывается ль нечто, что глубже названия,
Коль в них проявляет себя мироздание.

КУКУШКА

Сижу без мыслей и без слов.
Туман накрыл предместья.
Летит кукушка из часов
С одной и той же песней.

С той, что поёт из года в год
В веселии и печали,
Но прерывается полёт
Её уже в начале.

Пичуга спрячется опять
За крохотную дверцу.
Была охота куковать,
Тревожа чьё-то сердце.

И наступает тишина,
Дождь моросит беззвучно.
На страже времени она,
С которым неразлучна.

Её никак не уломать,
Не запросить пощады.
Всё также будет куковать,
Где надо и не надо.

Обозначая ход часов,
Выглядывать наружу.
И песня времени без слов
Тоской заполнит душу.

Как будто в чём-то виноват.
Прочистит птаха горло,
и ноты Вечности звучат
В мучительных повторах.

И жизнь начнётся...

И жизнь начнётся как-то вдруг,
Как смерть пришла в тот чёрный вечер.
Тогда не выпущу из рук
Я ни одной случайной встречи.

Я прослыву как страшный жмот.
Я наберу событий груды.
И если сердце обожжёт,
То я гасить пожар не буду.

В той жизни было всё не так,
И даже смерть, как сон, нелепа.
А в этой — ценен каждый шаг,
Улыбка, дождь, краюха хлеба.

Я всё попробую на вкус,
На запах, на прикосновенье.
Я вызубрю всё наизусть,
Тысячелетья и мгновенья.

Во всём примерный ученик,
В себе до смерти не уверен,
Я выдохну в последний миг:
«О, Господи, как Ты безмерен».

МОЛЧАНИЕ

Я иду не спеша под гору,
Что там будет в конце пути?
И досужие разговоры
Не по возрасту мне вести.

Сколько слов я сказал случайных
И за это сейчас плачу.
Но в безмолвии дышит тайна,
Что не всякому по плечу.

В тишине отпускает прошлое
И в грядущее тянет нить.
Молчуны нас всегда тревожат.
Так и тянет поговорить...

ДУРАК

Задумавшись, я медлил шаг.
Вдруг сумасшедшая с авоськой
Мне в спину крикнула: «Дурак»,
И захихикала по свойски.

И только вздрогнула спина
И побежала кровь по жилам,
И, уплотнившись, тишина
Кольцом обиды окружила.

Я не ответил ничего,
В карманах кулаки сжимая.
Дурак? Дурак. И что с того?
Смотри-ка, невидаль какая...

МЫСЛИ ПРО ЗАПАС

Искрил и спорил горячась,
А что осталось?
Всего две мысли про запас
Скопил на старость.

Сперва я думаю одну,
Потом другую.
Отца за рюмкой помяну
И затоскую.

Ведь отшумели времена,
Как вихрь по полю.
Вот телефоны, имена,
а лиц не помню.

В грядущем сумрак неживой
Иль тень бессмертья...
Давай-ка, друг, по второй,
А там по третьей.

ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

И холодок бежит по коже,
И понимаешь, что к чему,
Когда плач птичий растревожит
Непостижимое уму.

Когда предсказывают ясно,
Но лист срывается, дрожа.
И так беспомощно прекрасна
Себя презревшая душа.

Не ожидая послаблений
От наступающих времён,
Природа встала на колени,
И дух коленопреклонён.

Творится шёпотом молитва.
Едва ли разобрать слова.
Ещё для смертных не открыта
Живая тайна Рождества.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Где вьются крикливые чайки
И стыло мерцает вода,
Гроза разразиться не чаёт
Величием Божья Суда.

И, тронув верхушки деревьев
Дыханием бури слепой,
С какой-то свирепостью древней
Погнать пену волн пред собой.

О, память былых потрясений
И бездна свинцовая вод.
Какие-то доли мгновений
И всё это произойдёт.

И всё это станет преддверьем
Бессрочного судного Дня...
Но разом вздохнули деревья,
Вершины покорно клоня.

И рябь пробежала по глади,
И ткнулась в подошву скалы,
Небесную силу растратив
Тревожным мерцанием мглы.

Не состоялось начало.
Переиначен Исход.
На скрипнувших сходнях причала
Беспечный толпится народ.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Гроза опрокинулась в Волгу,
Пройдя Жигулёвский предел.
И капли беспмятно долго
Летели к дремотной воде.

Летели, чтоб слиться с началом
И вновь устремиться туда,
Где Каспий устало качает
И чаек, и ночь, и суда.

Где может быть верная гибель
И потрясенье основ...
Посёлки, поляны, изгибы
Васильевских островов.

И ниже степное раздолье
В кольце облетающих рощ,
И ближе к началу не больно
Небесную чувствовать мощь.

И к ней устремляться навстречу
Со всем нетерпеньем живым —
И с каждым ударом сердечным,
И с каждым раскатом ночным.

НА ВОЛГЕ

Движенье породило берега,
И, как в канаты, скручивая воду,
Винты внизу хлопочут впопыхах,
Рубя свои незримые проходы.

Проход туда, в ту неземную суть,
Что поднимается из глубины кромешной,
И в этот миг нам боязно моргнуть,
Заворожённым отблеском нездешним.

И мы молчим, и берега плывут,
И чаек промельки, и клочья белой пены.
И постиженьё происходит тут,
Вот в этой точке тающей Вселенной.

Что смерть есть жизнь, а не наоборот,
И в смерти жизнь продолжится, как внове.
И берег ближе, ближе переход,
И крест в ногах, и звёзды в изголовье...

МОЛИТВА

Меня изводит смертный ужас,
И я молюсь, пустой и грешный...
Господь запоминает души,
Что вспыхнули во мгле кромешной.

Пусть только искрою невнятной
Мелькнут и угасают тут же,
Но Небо ризой благодатной
Укроет страждущие души.

А ЕСЛИ ВСЁ НЕ ТАК...

А если всё не так
И нет для нас спасения?
И впереди лишь мрак
И ужас разложения?

И проживая миг,
Прощаемся навечно
С тем миром, что возник
Из тёмной нашей речи.

Из крови, что течёт,
Пulsируя, по венам.
И человек не в счёт
В пылающей Вселенной?

Эхо

Как есть пред Господом стою
И песнь хвалебную пою.
Но змий сомнения в груди
Нашёптывает: «Уходи.

Здесь ничего, здесь пустота
И темных душ воображение».
И подгибаются колени,
И я ползу под сень Креста.

И здесь смиряю естество
Постом, молитвой и терпением.
И умолкает змий сомнения,
Как будто не было его.

Он отступил лукаво в тень
Весь в ожидании ореха.
Под куполом стихает эхо
Молитв, прочитанных за день.

Узнаю ль тайну тишины,
Где и рождается молитва.
Оружие в незримой битве,
Доспехи в сполохах войны.

УТРЕННИЙ ПРИБОЙ

О чём-то нестерпимо важном
Вздыхает утренний прибой.
И каждый вздох плывёт протяжно
Над линией береговой.

Но крики чаек так беспечны,
Что открывается не вдруг:
Душа перетекает в Вечность
На острие земных разлук,

На тесных перекрёстках судеб,
Себя прозревшая едва,
Пока земное не избудет
В неоткровенные слова...

ПЕРЕКЛИЧКА

И чувство горькое предела,
И ни надежды, ни чудес.
Душа, того ли ты хотела,
Когда сюда рвалась с небес?

И это странное обличье,
Потухший взгляд, безвольный рот.
Все ангелы на перекличке.
И лишь тебя не достаёт...

Исход

Время беременно смертью.
Что-то стремится сюда,
Где обезумевший ветер
Выстудил города.

Люди запросят пощады,
Век безрассудный кляня.
И над всемирным распадом:
«Господи, воля Твоя...»

ОТЧИЙ КРОВ

Опять он роется в мозгах,
Едва рассеется внимание.
И оставляет лишь отчаяние,
И душу сковывает страх.

И я бегу неутомимо,
И в сердце воткнута игла.
Нечистый с рожею глумливой
Выглядывает из-за угла.

Где мир, хлопочущий вокруг,
Пронизан гордым отречением.
И к ночи крепнущие тени
Берут его в незримый круг.

О, Господи, не будь суров,
Пошли смирение и отраду.
Мне ничего уже не надо,
Прими меня под Отчий кров.

Сорняки

А роса легла сегодня ночью,
Охладив земное естество.
Выбираю сорняки из почвы,
Как грехи из сердца своего.

Выбираю тщательно, без лени,
А иначе грех не побороть.
И стою, как службу, на коленях,
Раз за разом усмиряя плоть.

Господи, за что же в самом деле
Мне с утра такая маета...
Копится усталость в бедном теле,
Но душа хотя б на час чиста.

ПРИЗВАНИЕ

А время, как скорый, проходит,
Пронзая насквозь бытиё.
Сажаю цветы в огороде.
И в этом призванье моё.

И в этом есть Божия милость —
Вкусить глубину простоты,
Чтоб вызрела, укрепилась
Под скромным названьем цветы.

Чтоб солнцу тянулась навстречу,
Где пчёлы бессонно звенят.
И где синеокая Вечность
Однажды окликнет меня.

Прохожий

Развалины церкви, крапивы костёр,
Подпалины гнёзд под карнизом.
Сквозь рваные дыры синее пространство,
Стрижами и солнцем пронизан.

Крутые ступени и тени вокруг.
Их кто-то собрал помолиться?
Неловкость худых и натруженных рук,
Блаженно-бездумные лица...

Но пусто и сыро. Надрезан лучом
Сырой полумрак, как по коже.
На волю, на воздух, я здесь ни при чём,
Здесь нечего делать прохожим.

ПЕРЕПУТЬЕ

1

За все грехи, что в жизни совершил,
За все слова, что произнёс бездумно,
Раскаяться б, но не хватает сил,
Сказать «прости» невыносимо трудно.

И что мешает выговорить слово,
Не чувство ль потаённого стыда?
Но это слово, ставшее основой,
Меня бы изменило навсегда.

2

Епитрахиль на голове склонённой,
И голос прерывается, дрожа.
Как будто в зеркале испугом искажённой
Себя увидит бедная душа.

И что стенать, и ожидать прощения,
Ведь в страхе без названия и лица
Рождается притворное смирение
И закрывает грех мой от Отца.

О, Господи, среди безумных буден
Очисти сердце, ум освободи.
Ты видишь всё, но я на перепутье,
Я заплутал на жизненном пути.

Я, как на паперти, стою за подаянием.
Будь милостив, не уходи, постой.
Дай слёзы мне и с ними дар раскаяния
И прикоснись к моей душе живой.

НЕБЕС ГРАНИЦА

Ты можешь и не верить Богу,
Пока здоров, беспечен, жив.
Но вдруг закончится дорога
И дальше взлёт или обрыв.

И дальше выбор не за нами,
Когда закроются глаза.
И обожжёт безверья пламя,
Закрыв до срока небеса.

Душа бескрылая томится
И различает только смерть.
Рукой подать — небес граница,
Но силы нет преодолеть.

В ХРАМЕ

Он крестится неловко и с трудом,
В икону ткнувшись обречённо лбом.

Свеча трещит и освещает лики,
И он один, болезный, невеликий,

Отвешивает тяжкие поклоны
Пред благодатной старою иконой.

Глотая слёзы страха и бессилья...
Но ангелы распахивают крылья,

И немощь отступает, крепнут плечи,
Ему Господь приоткрывает Вечность.

Он видит всё, и он в сей миг не с нами,
И благодать на всех нисходит в храме.

А ПОТОМ ПРИЛЕТАЕТ ПТИЦА

В чём суть времени,
Знает дерево, вырастая из семени,
Поднимаясь к небесам в одиночку,
Каждой веткой и каждой почкой.
А потом прилетает птица
И на ветку шумно садится,
Чистит перья и слушает ветер,
Что ещё происходит на свете,
Кроме плеска волны, кроме облака,
Что плывёт, словно лодка, около.
И в сердечке, как будто бы в семени,
Поселяется знание времени.
Это знание вместе с птицей
Улетает к небесной границе.
Улетает навстречу Вечности,
К неразгаданному Пути Млечному.
А потом возвращается в семя
Обновлённое Вечностью Время.

НУЖНЫЕ СЛОВА

Душа отпущенною птицей
Перелетает все границы
И возвращается назад,
Неся в себе и рай, и ад.

Неся в себе раскаты грома
И радугу над отчим домом.

И бездну, где легко пропасть,
И одиночество, и страсть.
И три дороги в чистом поле,
Соблазн неискушённой воли.

Когда ее коснётся вечность,
Она очнётся в русской речи.
Но нужных слов не хватит ей,
И лишь в молитве, в сердцевине
Она себя найдёт отныне.

ВЕТЕР И КАМЫШ

Неброски строки эти,
Но тем и хороши,
Что в них проснулся ветер
И тронул камыши.

И выплеснула щука,
Поднявшись с глубины.
И выпорхнула утка
На грани тишины.

Да вот ведь незадача:
Случайные штрихи
Как будто тайну прячут
В созвучиях глухих.

В которых звук и буква
Лишь образ, лишь намёк,
Но в глубь уходит щука,
В живую бездну строк.

Но бьёт крылами утка,
Вся в водяной пыли.
И разгорелось утро
Над вязами вдали.

Где в ожиданье солнца
Вдруг заалел восток.
И сердце часто бьётся
В незримой клетке строк.

Не в этом ль чудо речи,
Где всё, что сотворишь,
С тобою канет в Вечность,
Как ветер и камыш.

Как солнце над заливом
И этот спуск крутой,
Где три прибрежных ивы
Склонились над водой.

И СНОВА В ДУРАКАХ

Поэт во всеоружии догадок,
Ему неведом чёрной бездны страх.
Миг узнаванья истины так сладок,
Но миг прошёл, и снова в дураках.

Ни новизны, ни слова без кривляния,
На тёмной сцене одинокий шут,
Но что сказать поэту в оправдание:
Его попытки небеса зачтут.

Пили водку

Пили водку, спорили о вечном.
Чушь несли, печаясь и смеясь.
И как будто становилось легче,
Словно с Вечностью налаживалась связь.

Словно где-то там, в конце туннеля,
Там, куда не достигает взгляд,
Ангелы тишайшие запели:
Так поют, когда живые спят.

Водка ли была тому причиной
Или в кронах ветер прошумел,
Замолчали пьяные мужчины,
А один вполголоса подпел.

* * *

Всё озеро парило.
Серой цаплей
Рассвет над лесом.
Старая ветла
Смотрелась в отраженье.
Истекла
Вся жизнь моя по капле...

И прошлое осталось в стороне,
Где, как туман, беспмятство сгущалось.
И это всё двоилось, отражалось,
Ознобом проходило по спине.

И, разодрав запёкшиеся губы,
Я закричал, и там отпрянул лес,
И вороны попадали с небес,
И в озере вода пошла на убыль,
И почернела грузная ветла,
И жизнь моя подняться не смогла,
Припав к земле, и память омертвела,
И Смерть, как часовщик, разъяла тело
И на костре безумия сожгла,
И встала Мгла...

Но лёгкий холодок скользнул по коже.
Страхнув оцепенение, я ожил
И вдруг увидел тени на воде,
Мерцанье ряби, лодку на приколе
И яростно дышавшее раздолье,
В котором места не было беде...

ГЛУБИНА

И налетят в тот день метели,
В день беспокойных похорон.
Душа заснёт в остывшем теле
И будет долго плыть сквозь сон.

И ей пригрезится бывшее,
Все баснословные года,
И небо бледно-голубое,
Куда всё канет без следа,

Когда закат раскинет крылья
Над лесом, озером, жнивьем...
Но всё земное изобилье
Вдруг не обрадует её.

Она в каком-то нетерпенье
С глухим сознанием вины
Всё будет ждать прикосновенья
Ей недоступной глубины.

ЗАВИСТЬ

Одолела зависть душу.
Далеко ли до беды.
У него на ужин суши —
У меня — стакан воды.

А на завтра, нет ли, есть ли,
Мелочишки б наскрести.
А за ним бугай на мерсе
Подъезжает к десяти.

Для него полёты в Ниццу,
Как прогулки по шоссе.
Мне же море только снится
И Париж во всей красе.

Он не ищет, а находит.
У него счастливый вид.
А потом в запой уходит
И в подвале нашем спит.

И кричит он то и дело,
Что на них ему плевать.
Видно, зависть одолела,
Да не знает, как сказать.

ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССА

Я перестал завидовать, увы,
Быть может, изменился угол зренья.
Я стал свободным от людской молвы
И от болезни словоговоренья.

Я мир увидел словно бы вблизи.
Рукой подать до облаков летучих.
И солнце отражается в грязи,
Где тают снега нагребные кучи.

На улицах бесчинствует весна.
Поёт капель и больно бьётся оземь.
Всё так же как в былые времена,
Но в волосах приметней стала проседь.

Неужто зрелость постучалась в дверь
С бодрящей и растерянной улыбкой.
И я забыл, что делать мне теперь:
Иль водку пить, или играть на скрипке.

Но пальцы, не державшие смычка,
Споткнутся, верно, и на первой ноте.
И я порой завидую слегка
Тем, кто умеет сочинять мелодии.

И водку пью, уставившись в окно,
И что-то говорю по ходу пьесы.
Мне боязно, я слабое звено,
Ведь зависть — это двигатель прогресса.

Идиллия

Здесь дни такие длинные,
Что я их не считаю.
Под пенье соловьиное
С улыбкой засыпаю.

С утра кудахчет курица,
Мычит корова рыжая.
И кот на солнце жмурится,
И нежится, и лижется.

Такая вот идиллия,
И день прекрасно прожит.
Но зацветают лилии —
Их аромат тревожит.

И с ним приходит главное,
Где мысль уткнётся в стену.
Всё тлением отравлено,
И всё подвластно тлену.

И где таится вечное,
Простое, неизменное.
Мне расспросить бы встречного,
Пробив глухую стену.

И что-то он ответит,
Весомо и размеренно.
Но дело не в ответе —
В глазах его растерянных.

О, Господи, как маетно
Искать иную правду.
Доселе жил беспамятно,
И что теперь мне надо?

ЧЁРНАЯ КОШКА

Живу как понарошку,
Как будто напоказ.
Но Вечность чёрной кошкой
С нас не спускает глаз.
Царапнет ночью сердце
И хлынет боль в виски,
И никуда не деться
От чёрных слов тоски.

И СОЛНЦЕ СКРЫЛОСЬ

Живу, неведеньем томим,
Тая тревогу.
Уйду за ангелом моим
Его дорогой.

По холодку, по серебру,
Под птичье пенье.
В путь не надежды соберу —
Свои сомненья.

На миг сияющий простор,
Как Божья милость,
Но Ангел крылья распростёр,
И солнце скрылось.

ПЕРЕПУТЬЕ

И порвались земные цепи,
Когда, как тень, исчезло «я».
И смерть во всём великолепье
В упор смотрела на меня.

И было так необходимо
Понять, что значит смертным быть,
Как разделить, что неделимо,
От памяти и до судьбы.

Что там случится за порогом
Тускнеющего бытия.
Лицом к лицу я встречу с Богом,
С Отцом, что всмотрится в меня?

И что увидит в те мгновенья,
Отец, пекущийся за всех.
И следом огонь преображенья,
Что выжжет даже малый грех?

И что останется от сути,
В которой ум мой и душа...
Стою опять на перепутье
И силюсь сделать первый шаг...

НЕНАСТНАЯ НОЧЬ

И был тот вечер так печален,
Что я невольно медлил шаг.
И был тот вечер изначален,
Как надвигающийся мрак.

И за последним поворотом,
Где ни дороги, ни жилья,
Всю ночь непостижимый кто-то
Искал разгадку бытия.

Зарницы вспыхивали яро,
На миг приоткрывая вдруг
То бездны древнего пожара,
То красноватый отсвет мук.

Казалось, время на исходе...
Но знал непостижимый тот,
Что ночь ненастная проходит,
Ещё зарница, и пройдёт...

Шумели яростно берёзы.
Вставал безоблачный рассвет.
И на листве скупые слёзы
Дарили первозданный свет.

НЕБЕСНАЯ ЛЕСЕНКА

Вот идёт человечек маленький,
Ноги ставит чуть косолапо.
Медвежонок с ближайшей ярмарки
Помахал ему дружески лапой.

А щегол просвистел ему песенку,
Всеми взрослыми позабытую.
А малыш подошёл к синей лесенке
И на небо полез деловито.

Он до облака быстро добрался,
Он и солнце потрогал руками.
Было б можно — он там бы остался
Вместе с птицами и облаками.

И тут мама сказала ах.
И тут мама сказала ох,
Голос мамы сделался строгим.
Ты стоишь в луже, сынок,
Надо лучше смотреть под ноги.

Медвежонок ему махал,
И щегол свистел ему песенку,
Он огляделся и отыскал
Новую лесенку...

ЗЕМЛЯНИЧНЫЕ ПОЛЯНЫ

Земляничные поляны.
Поле. Лесополоса,
И в густеющем тумане
Глуше наши голоса.

Старый вяз ориентиром.
Ни просвета и ни зги.
Мы как будто в центре мира
Чертим праздные круги.

По нехоженным полянам,
По распаханной стерне,
Пробиваясь из тумана,
Из словесного дурмана
К благодатной тишине.

УТРАТЫ

Обо всех безнадежных утратах
Доселе кричат журавли.
О, Господи нет виноватых —
Есть бедные дети твои.

Есть ветер, летящий с пожарищ.
Берёзы, склонённые ниц,
И русское слово «товарищ»
Не слышно у древних границ.

И кто нам указ в лихолетье,
Когда над безлюдьем полей
Относит крепчающий ветер
Рыдающих журавлей.

ШЁЛ ДОЖДЬ

Шёл дождь, и капли били глухо.
И было грустно от того,
Что эта музыка для слуха
Не означала ничего,

Не означала, а звучала,
И это было б полбеда,
Но неизбежность уступала
Незримой музыке воды.

В ней было что-то от полёта
Летающих клином журавлей.
Она звучала с каждой нотой
Все неприютней и больней.

Смешались голоса и звуки.
Дыханью ветра вторил лес.
Преобладал мотив разлуки
В безумной музыке небес.

И спать. Не понимать. Не слышать
Ту муку капель дождевых.
Но дождь всю ночь стучал по крышам,
Тревожа мёртвых и живых.

НЕ ПОГАСИ СВЕЧУ

В конце пути не погаси свечу.
Душа в тебе не больше, чем подсвечник.
Ты потерялся, ты великий грешник,
Но полный мрак тебе не по плечу.

Свеча горит, а значит, есть надежда
Дойти туда, где дышит вольный дух,
Где обострённый до предела слух
И мир оставил страждущие вежды.

И где слова и свет совмещены
В слепящей сердцевине тишины.

ПЕРЕКРЁСТКИ

Не вижу другого в его глубине,
А вижу лишь образ, очерченный светом.
Другой не догадывается обо мне,
А судит по внешним и ложным приметам.

И так вот живём, глухи и слепы,
Друг друга во мгле окликаая.
И лишь иногда перекрёстки судьбы
Столкнут нас в преддверии ада иль рая.

«НАЗОВИ СВОЁ ИМЯ...»

Часто думаю о невозможном,
Это явный признак бессилья.
Жаль, что не имею волшебных ножниц,
Чтобы подрезать времени крылья.

Чтобы не летело так бестолково,
Так, что ветер свистит в ушах,
Чтобы успеть произнести слово,
Скажем, Вечность или душа.

Чтобы успеть понять что-то
И не растерять понимание это.
А то во время сумасшедшего полёта
Срывает крышу, даже и у поэта.

Подрезать бы, и пусть ползёт еле-еле,
По земле, по песку и где придётся,
Но пока доползёт до конца недели,
То может погаснуть солнце.

И холодом дохнёт Вселенная,
И мы не успеем добраться до сути?
Но знаю, что скоро грядут перемены
И времени больше не будет.

Оно скинет крылья и уйдёт куда-то,
И мы останемся в слепящем свете.
Но вот только будем ли рады,
От рук отбившиеся дети,

И что нам тогда зачтётся,
Помогут ли стенанья и слёзы
И Страшный суд начнётся
С одного простого вопроса:

«Кто ты? Назови своё имя...»

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Когда, освободившись от страстей,
Я стану отрешённым и спокойным,
То отдохну от чёрных новостей,
В которых смерть, безумие и войны.

И, просыпаясь, погляжу в окно,
Где так бело и в иное ограда.
О, Боже мой, как всё-таки давно
Не видел я такого снегопада.

Что шёл всю ночь, без усталости кружил
И заносил все прежние огрехи.
И мысль придёт, что я ещё не жил,
А только отмечал пустые вехи.

И этот бесконечный марафон
Вдруг завершён в единое мгновение.
В ожившем сердце полнота времён
Как смысл и образ нового рождения...

Пропуск

Те, кто стоял в очередях
В больницах, чуть не плача,
Кого коснулся смертный страх,
Тот видит мир иначе.

Тому открыта тишина,
Врачующая душу.
У растворённого окна
Пух тополиный кружит.

Как будто вьюга за окном
Вдруг разыгралась утром,
И затянуло окоём
Холодным перламутром.

И тенью бледная луна,
Где выглянула просинь.
В регистратуре имена,
Волнуясь, произносят.

И не отводят влажных глаз,
Где медсестра, как прежде,
Вам направление отдаст,
Как пропуск в мир надежды.

ПОКАЯНИЕ

1

Грех — это промах, ошибка в пути,
Но не причина вернуться назад.
Нас одно лишь спасает: «Прости,
Господи, я пред тобой виноват».

И шаг за шагом по острым камням
Наших страстей, что сбивают с пути,
И повторять, как малыш, по слогам:
«Господи наш милосердный, прости».

2

И сгорают, как искры, мгновения,
И уходят желанья и силы...
Покаяние — ума изменение,
И дай Бог, чтобы жизни хватило.

НАПОЛЕОН В МОСКВЕ

По комнатам бесчинствовали тени,
Раскальвалась к ночи голова.
И он смотрел в недвижимом исступлении,
Как полыхала древняя Москва.

И пахло пылью, гарью и свечами,
Невольно пальцами он тёр вспотевший лоб.
И, передёрнув узкими плечами,
Почувствовал болезненный озноб.

К столу вернулся, взял перо привычно,
Но как же давит древней кладки свод.
Ах, эти русские! Ни славы, ни величья,
Кому наследует сей варварский народ?

Его империя им принесёт свободу,
Дух просвещения, законные права.
Но как же тяжки каменные своды,
И в этом отразилась вся Москва.

И в этом низость русских, их бездарность,
Но кто в веках прославился из них?
Поджёт столицы нам как благодарность
За то, что к благу приобщаем их.

Окинул взглядом древние палаты.
Всё то же зарево в решётчатом окне.
И грома отдалённого раскаты
Набатом раздаются в тишине.

ДРУГИЕ ВРЕМЕНА

Нас вычисляют, программируют,
Нам уготованы другие времена.
И эти люди вряд ли нас помилуют:
От человеческого в них только имена.

С надеждою приветствуем грядущее,
Но слышим, как крадётся чёрный век,
В котором нет ни прошлого, ни будущего
И под запретом слово — человек.

* * *

Ночь. На стенах белёных
Придорожных домов
Тени сумрачных клёнов
И гудящих столбов.

На себя не похожий,
Город будто чужой.
Да угрюмый прохожий
У меня за спиной.

Хриплый вздох незнакомца.
(Я назад не смотрю).
«Закурить не найдётся?»
«Извини — не курю».

Нарастание гула.
Фар слепые штыки.
Он свернул в переулок.
Я разжал кулаки.

СВЕРЧОК

Горе не горе, а так — пустячок,
Будто першит заболевшее горло,
То ли запечный зануда сверчок
Ноту безумную тянет упорно.

Ах, заполошный упрямый певец,
Что ты нашёл в этой песне унылой?
Или тоску отпылавших сердец
Мне возвращаешь с нездешнею силой??

Мне не открыто начало пути?
И не увидеть его завершенья.
Что ж, отрекайся, юродствуй, свисти
В смертной истоме перерожденья.

И ВРЯД ЛИ ЧТО НАОБОРОТ

Без Бога плохо на земле.
Ну, что без Бога —
Кружить во мгле и жить во зле,
Тая тревогу.
И вряд ли что наоборот...
Как гиблый ветер,
Нас одиночество убьёт
За век до смерти.
И не во сне, а наяву,
Где Слову тесно,
Я, задыхаясь, доживу.
Над мёртвой бездной.

КИБИТКА КОЧЕВНИКА

Бог милостив, но он и Судия,
И это душу наполняет страхом,
В младенчестве из слов, тоски и праха
В неверном свете проступает «Я».
Оно ещё на грани, на цепи,
Косноязычно с пустотой в избытке —
Кочевника беднейшего кибитка,
Что тащит вол по выжженной степи,
Где поколения погребены,
И где, как вехи, древние курганы,
Над ними души — птичьи караваны
уходят молча в сторону луны.

И где-то там, в нездешней стороне,
Они себя увидят без одежды,
И, оставляя всякие надежды
Перед престолом в мёртвой тишине,
Стоят без имени, не различая лиц,
И по одной, как звёзды на рассвете,
Они исчезнут в неприступном свете,
Действительно, похожие на птиц.

Но что же «я», и где предел ему,
Созданию досужего рассудка,
Там, где душа, идёт по первопутку.
«Я» видит грязь, безумие и тьму.

И где границы или нет границ?
Душа и я — в каком родстве и связи?
И кто творит земные безобразья
И покаянно припадает ниц?
У алтаря, где ангелы стоят
И свечи догорают без остатка.
О, Господи, Твое прощенье сладко,
Но кто опять мостит дорогу в ад?

Кибитка, вол, кочевник, пыльный зной,
Багровый шар остывшего светила...
А может «я», вонне растратив силы,
В конце пути становится душой?
Или не так, всё начиная вновь,
Себя до чёрной смерти не жалея,
Разбойником живёт с петлёй на шее
С последним упованьем на любовь...

Но что ж кочевник? Подступает срок
Оставить свою ветхую кибитку
И побрести по стёршемуся свитку
В одну Дорогу свившихся дорог...
Куда — Бог весть. Ведь на исходе век
И небо дальше, а земля всё ближе.
И, может быть, в конце пути услышать:
«Се, человек».

С УЧЁТОМ ВЕТРА

О, это небо вполнакала,
Лекала облаков и звёзд.
Неясное сиянье
Над прямоугольниками крыш.
У клумб округлых
Листву сжигают.
Клубы дыма,
Неповторимы,
Где, как геометры,
Серафимы
С учетом ветра
Светом расчерчивают пространство,
Рассказывая
О звёздной дали,
О печали
Нездешнего происхождения,
О беглой тени вдохновенья,
О сопряжении
Звёзд и сердца.

БЕЗ СМЫСЛА, БЕЗ ЛЮБВИ...

В кругу избитых тем и надоевших сплетен
Кружусь, как заводной, без смысла, без любви.
И в горних областях мой свет едва заметен,
И то лишь по тоске, мерцающей в крови...

ГАМЛЕТ

И с черепом шута в недрогнувшей руке
Безумный Гамлет судит мир подлунный.
Для вечности, возможно, весьма юный,
Но с Вечностью уже накоротке.

«Быть иль не быть», — и в чём, скажите, соль
Иль только вызов косному рассудку?
Но, может быть, продумывая шутку,
Принц на ходу примеривает роль.

«Быть иль не быть», — как будто бы вопрос,
Где знак вопроса истину скрывает.
И принц словами лёгкими играет,
Но вся игра затеяна всерьез,

В которой роли распределены,
Где ставка — жизнь, и кто предложит боле?
Когда-то шут был остроумьем болен,
Ища во всём не смысла, а новизны.

Но завершил, увы, тернистый путь,
Заворожённый пустотой бесплодной.
Теперь, от слов и памяти свободный,
Он созерцает мирозданья суть.

И что ответит принцу напослед
Безносый череп, звякнув под лопатой?
«Быть иль не быть, и что на свете свято,
И есть ли смерть иль смерти вовсе нет?

А есть необратимый переход
Из тени в свет? Но, впрочем, что за дело,
Когда твоё бесчувственное тело
На землю падает, как перезревший плод».

И отряхнув от праха кисти рук,
Принц, засмотревшись в зеркало могилы,
Вдруг, улыбаясь, скажет: «Было мило
С тобою поболтать, мой старый друг».

И вспомнив соль обдуманных интриг,
Вернётся во дворец, ища расплаты,
И следом в уши грозные раскаты,
Не переводимые на бедный наш язык.

ШУТ

Не череп, нет, а купол костяной,
Вобравший мирозданье без остатка.
Он был шутом — поклонник беспорядка,
Дразня нас небывалой новизной.
Не череп, а вместилище ума,
Где зарождались дерзкие остроты,
В которых, как издёвка: «Кто ты? Кто ты?» —
Звучало недвусмысленно весьма.
И что ответить мёртвому шуту,
Когда весь мир погружен в немоту.

1793 год

Где Самара, а где Париж,
Почему же ночами длинными
Вижу блеск монмартровских крыш
Да изящную тень гильотины.

Что влечёт меня в этот век,
Где трибуна сменялась плахой
И не братом стал человек,
А убийцей и вертопрахом.

Что случилось тогда с людьми
Восхотевшими свободы небесной
На земле, где безумно и тесно,
Вместо веры, надежды, любви?

И в Россию вернулся тот смерч,
Принеся с собой отблеск кровавый.
Только чудом смогли сберечь
Распадающуюся державу.

СТОРОННИК

Конвент кипит, и Робеспьер в запале,
Полны неистовства худые кисти рук.
Он, как монарх, вещает в тронном зале
Среди внимающих беспрекословно слуг.

Он говорит, что прошлое — вериги
И оскорбляет гражданина взгляд
Герб королевский на форзаце книги
И мраморные прелести наяд.

Он говорит, что нами правит Разум,
Что церковь — сборище бессовестных лжецов.
Летят в зенит отточенные фразы
Поверх повёрнутых к оратору голов.

Он говорит в безликое пространство,
Как будто обращается в века.
«Народ, свобода, равенство и братство», —
У председателя не сходит с языка.

Заворожён неистовостью речи,
Он чувствует, как ширится в груди
И раскрывается смертельной раной Вечность,
И всё, что ожидает впереди.

Он осекается, и взгляд его тревожен,
Он смотрит в лица и не видит лиц.
И он молчит, и он почти низложен
Толпою напирających убийц.

Ему с собою справиться едва ли.
Его оставил благородный гнев.
«О, Господи, как душно в этом зале», —
И ворот рвёт, смертельно побледнев...

МАРАТ

1

Марат замешкался у входа
С листком газетным на излёте.
И кто-то крикнул: «Друг народа,
Скажи, что есть свобода?»

Он верил, были не напрасны
Его труды, болезнь, острог,
и начал яростно и страстно
Чеканить медь безумных строк,

Клеймя воров и казнокрадов,
И с короля срывать личину.
Щадить предателей не надо,
Им путь один — на гильотину.

Врагов народа без пощады,
Перебирая всех подряд,
Перед лицом великой правды
Поставить — прав иль виноват.

Иначе нам же будет худо,
Поврозь бессильны бедняки.
И хладнокровные Иуды
Нас всех поднимут на штыки.

Тогда оставит нас Свобода,
А без свободы нет любви.
Душа французского народа
Сейчас рождается в крови.

Грядущее нас ждёт с тобою,
И нам не избежать судьбы.
И окровавленной рукою
Париж подыдем на дыбы.

2

И люди слушали, внимая,
Слова, зовущие на бой.
Порой и недопонимая,
Почувствовав нутром, он свой.

Он свой, худой и низкорослый,
Одной идеей одержим.
И вся толпа молчала грозно,
Готовая идти за ним.

Он повторял, что нет надежды
Для подмастерья и слуги,
Что Революцию зарежут
Её исконные враги.

И потому рассудим здраво,
Чтоб каждому и хлеб, и кров,
Должны пройти через кровавый
Путь истребления врагов.

Всех родовитых кровопийцев,
Что сладко спят и сладко жрут...
И люди обретали лица
За эти несколько минут.

И где-то там, в огне предместий,
Среди парижской голытьбы,
Летели огненные вести,
Что нет для них иной судьбы.

3

На Сене, на сонной воде
Лист кружился в танце свободном,
А в Пале Рояле Шарлотта Корде
Выбрала нож с рукояткой удобной.

Ван Гог

А Ван Гог рисовал по уму.
Краски смешивал, щурил глаз.
Солнце било в макушку ему,
И ему было в самый раз.

Видеть свет и прочувствовать тьму,
Что ходила за ним по пятам.
Но продать он не мог никому,
Что рассовывал по углам.

Кисть в руке вырывалась вон,
Холст дрожал, норовя взлететь.
Он над хлебным полем чёрных ворон
Рисовал, как рисуют смерть.

А потом он сошёл с ума,
Тьма ему нанесла визит.
И теперь, дорогой весьма,
По музеям престижным висит.

ЕГИПЕТСКИЕ СОНЕТЫ

*Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.*

А.А. Блок

1

Верблюды с царственной осанкой,
Песок, поющий по утрам,
Рамзеса занесённый храм,
Как сонной вечности изнанка.

Арабов шумных перебранка
И детворы сердитый гам,
Что за туристом по пятам,
Гремя консервною банкой,

Бегут и клячат всё подряд.
На птичьем языке туземцев
Эль Бар, Озирис, Ра, Маат

для слуха бедных чужеземцев
волшебной музыкой звучат,
Когда на море с полотенцем.

2

Идут, не отрывая взгляд
От бездны неба раскалённой.
От пенных волн и бухты сонной,
Где скалы чёрные горят.

Великолепие утрат
Захватит душу неуклонно,
Где саркофаги фараонов
И пирамид покорных ряд

В пустыне, где угасла злоба
Тысячелетия назад.
Где души в каменных утробах

Младенцами невинно спят.
И видят сны, где ветра шёпот
И благовоний аромат.

3

И лодка узкая луны
Плывёт, откуда дует ветер.
И безымянные мечети
Серпом луны освещены.

Каира улицы полны
Толпой, и только на рассвете,
Когда заря раскинет сети,
Приходит время тишины,

Что заполняет всё вокруг.
Сияет море отрешённо.
И скарабей, священный жук,

Ворочается в витринах сонных,
Как будто выпущен из рук
Базальтового фараона.

УТРО НА ВОЛГЕ

*Вот знаменитый дворец,
Где безвыходна мука блужданий...*
Вергилий. Энеида. Книга шестая

1

Что открывает ожиданье
Необъяснимым утром ранним?
Когда ещё не рассвело,
А Волги чистое стекло
Уже горит воспоминаньем

О неразгаданном былом.
И птица ранняя крылом
Едва не задевает грани
Иных миров, ещё в тумане,
Вдруг замыкает окоём.

Где разгорелся день осенний,
Что был ниспослан во спасенье
Всем, кто отстал от суеты
И бродит в роще немоты,
Ища не слов, а примиренья.

С самим собой, с душою, с миром?
Каким неведомым кумирам
Куришь прикажешь фимиам,
И как прикрыть свой стыд и срам?
Когда следы твои пунктиром,

По затвердевшему песку,
Ведут в постылую тоску,
В унылый круг затёртых чувств,
Ах, как горит на солнце куст,
Как жизнерадостно ку-ку

Доносится из-за оврага,
И сердце полнится отвагой
И сладостью пустой надежды,
Что всё останется как прежде,
Но снова шаг спешит за шагом.

2

И кто подскажет, почему
Всё, недоступное уму,
Так будоражит кровь порой...
Какой несказочный герой
Готов отправиться во тьму

И там найти своё начало?
Качает лодку у причала,
И поднимается волна,
Как ненадёжная стена
От наступающей печали...

И новоявленный Эней
Опять вернётся в мир теней
С заветной ветвью золотую
И уводящей вниз тропую
Дойдёт до смертной глубины.
На бледном небе тень луны,
Как тень испепелённой Трои.

Но чем же ты опять расстроен,
И что тебе до павшей Трои,
Когда опавшая листва
В последней нищете права?
И стебли хлёсткие левкой

Заденут неподвижный взгляд.
Мысль, обращённая назад,
Растрянна и одинока.
Но в этой мысли мало проку,
Она как тень, как листопад,

Где так легко услышать эхо
И побрести от вехи к вехе,
И вспоминать, не вспоминая,
Как кораблей летела стая
И ласточка свила в застрехе

Своё непрочное гнездо.
Но нет, не то, опять не то.
И что недосказал Вергилий?
Не белизну ль июльских лилий
И то, что мысль есть решето.

Где времени песок просеян.
И ты опять бредёшь, рассеян,
И набежавшая волна
Улитку вынесет со дна,
Где в тине притаились тени,

В которых маета открытий
Среди прозрений и наитий,
Как Ариадны нежной нить,
Что призвана соединить
Звено к звену всю цепь событий.

3

Ах, муки тесный лабиринт...
Он взгляд из прошлого, реликт,
Вглядись и ты увидишь там,
Как духи рыщут по пятам
Твоих сомнений и обид.

И как душа в испуге вещем
Стоит перед дворцом зловещим,
Перед закрытыми дверьми...

Если доживаем до утра

Воробей над миром пролетал,
Но упал и придавил верблюда.
Кто-то крикнул — это, братцы, чудо,
Ведь верблюд — зазнайка и зануда,
Так и нарывался на скандал.

Стали обвинять все воробья,
Обвиненья выдвинули списком,
Ну, зачем он пролетал так низко,
Да ещё с противным глупым писком?
И решили, воробей — свинья.

Тут уже обиделась свинья,
Это возмутило и пернатых,
Ведь свинья грязна и хамовата,
И во всём хавронья виновата,
Что, бесспорно, хуже воробья.

Заорали звери вразнобой,
Тут слоны передрались с ослами,
Ястребы сцепились с голубями,
Бурундук поднял свободы знамя,
Словом, вышел славный мордобой.

Воробья забыли там и там,
А верблюд как вышел из больницы,
То простил оболганную птицу
И решил с пернатым помириться,
Так и накатили по сто грамм.

А потом добавили ещё,
Прошвырнулись ночью по столице
И плели друг другу небылицы,
Хорошо, когда друзьям не спится,
Говорить и плакать ни о чём.

И морали нет тут никакой,
Воробей, верблюд, не в этом дело,
Мы, достигнув смертного предела,
Сбросим угасающее тело
И войдём в блаженство и покой.

Ну а здесь привычная игра:
Выбираем клоунов продажных
Из весёлых, сонных, эпатажных,
Умных, расточительных, вальяжных,
Если доживаем до утра...

ПАДЕНИЕ ЦАРЬГРАДА

1

И где ярились лютые метели
В преддверии Христова Рождества,
Монах писал в своей убогой келье,
Что пал Царьград, но поднялась Москва.

2

Евангелие твердили наизусть,
Языческие помня небылицы.
Иконников затребовала Русь,
Дабы украсить храмы и светлицы.

И потекли с Царьграда мастера,
Неся с собой надежды и утраты,
И уходили с княжьего двора,
Одаренные милостью и златом.

И храмы расцветали на Руси,
Сияя золотом и киноварью алой,
Где тихо пели: «Господи, спаси», —
Когда беда кружила над державой.

И свет икон доселе греет нас
И окликает в душевной круговерти.
И Божья Матерь, Троица и Спас
Спасают нас от неминуемой смерти.

3

Стрижи перед грозой кричали
Под небосводом куполов.
Но как зовут тебя, молчальник?
Тот отвечал: «Андрей Рублёв».

ВОЛНА ВРЕМЕНИ

Великая Китайская стена,
Как Вечности застывшая волна,
В предгорьях, поросших хвойным лесом,
Где небо ниспадающим навесом
Накрыло тени отшумевших битв
И тишину внимательных молитв...

В глухих ущельях прячутся туманы,
Как тьмы и тьмы седого Чингисхана,
Чьё имя Крепкий. Но туристов гам
Особенно несносен по утрам,
Их странное желание всё потрогать:
Слезу росы, окаменевший коготь
Дракона — и успеть в потоке лет
Запечатлеть свой праздный силуэт
На фоне башни с узкими ходами,
И снова потонуть в привычном гаме...

Но по ночам, когда луны пятно,
Как чьё-то око, к нам обращено,
Всё кажется, очнувшийся дракон
Опять свирепо охраняет сон
Властителя в нефритовом дворце.
С блаженною улыбкой на лице
Тяньбао^{*} дремлет на высоком троне,
В изнеможенье уронив ладони
И свиток судеб развернув на треть,
Где ничего, увы, не рассмотреть...

^{*} Тяньбао — верховное божество в китайской мифологии.

Санчо Панса

Оруженосец Дон Кихота,
Трясусь, вздыхая, на осле.
И у меня одна забота:
Чтоб день в седле, а ночь в тепле.

Он что захочет, то отыщет.
Его девиц один: «Вперёд».
А у меня без доброй пищи
Втянуло намертво живот.

И мнится шумное застолье,
Прости мне, Господи, мой грех.
Ведь я не рыцарь поневоле,
А просто Санчо — человек.

И с великанами бороться
Совсем не дело бедняка.
Моё лицо привыкло к солнцу,
К поводьям — верная рука.

Но как останется один он
В чужом краю встречать рассвет?
И кто ему прикроет спину
От камня, брошенного вслед?

ПРОСТРАНСТВО МУЗЫКИ

Должна звучать музыка — иначе как?
Иначе мир сер, скучен, пресен, как зубной порошок,
просыпавшийся с щётки в блестящую бежевую раковину.
Чьё это лицо в овальном зеркале напротив?
Сонные, непроснувшиеся глаза.
Взбитый хохолок на голове и весь ты сер, скучен,
пресен.

Должна звучать музыка и строить пространство
вокруг, строить тебя, ибо и ты часть пространства.
Ты вырастаешь в него, становишься им, вносишь смысл
и стройность в хаос притихших вещей, в их сумеречное
одиночество.

Вот стул с гнутой спинкой. Дерево покрыто лаком,
а сиденье обтянуто материей со стёршимся рисунком.
На что он в этом мире, кроме одного: кто-то плюхнется
в него, усядется, присядет, даст отдых натруженным
ногам, успокоит расходившееся сердце и передумает,
перечувствует свою нескладную жизнь.

И будет гладить подрагивающей рукой гнутую спинку
стула или постукивать судорожно сжатым кулаком по
лаковой боковине.

И стул обретёт смысл, и по праву займёт своё место
в пространстве музыки. Ибо и он отныне приобщён к
трагедии существования.

ПОЭМЫ

МОЦАРТ

*Смерть и природа замрут,
Когда творение воскреснет
Судящему дать ответ.*

.....

*День гнева, тот день
Превратит мир в пепел,
По свидетельству Давида и Сивиллы.*
Из «Реквиема» В.А. Моцарта

1

Так менуэт начинается с жеста.
Жест музыкальному ритму послушен.
Моцарта хвалят, и Моцарту лестно,
Что шаг его лёгок и в танце воздушен.

Но сочинительство — вот в чём отрада,
Райские звуки он слышит повсюду.
Музыка — дар и для слуха услада,
В смертной долине небесное чудо.

Флейта соседствует с клавесином.
Скрипка подхватит задорную ноту.
Пахнет жасмином в просторной гостиной,
Где музыканты в начале полёта.

Сладится, нет ли — гадать бесполезно.
В музыке тайна, а тайна коварна.

Сердце поверит в волшебную песню
И оттого краткий миг благодарно.

Моцарт купается в аплодисментах,
Шаркнет ногой и поклонится даме,
Что поправляет атласные ленты,
Чуткими, как вдохновение, перстами.

В окнах сияет закатное солнце.
Мысль об унынии мелькнула не к месту.
Моцарт припомнил визит незнакомца
В наглухо чёрном — заказчика мессы.

2

Кружит беда, но безденежье душит,
Он сразу же начал набрасывать что-то.
Будут ли трогать австрийские души
Эти печальные, строгие ноты?

В нём бродят слова покаянной молитвы,
Вот здесь вступит флейта, сопрано и тенор.
Здесь трубы заплачут, мотив вечной битвы
Мрака и света в сердце смиренном.

И дальше, и дальше, снежинки кружатся,
И в саване белом застывшие здания.
Морозом прихвачены тонкие пальцы,
Он их на ходу согревает дыханьем.

И облачко пара подхвачено ветром —
Вот так же душа отлетает от тела.
И снова он в музыке ищет ответы,
Что яркой свечой на пюпитре сгорела.

3

Глаза закрываются. Падают руки,
Он лбом утыкается в локоть на сгибе.
Его окружают виденья и звуки,
Пророча надежду, спасенье, погибель...

О, Господи, будь милосерден к несчастным.
Не ты ль на кресте нас простил и возвысил?
Я верю, что жертва была не напрасной,
Твоё искупленье — залог вечной жизни.

Во сне он столкнул статуэтку Эвтерпы.
Проснулся от шума. Всё пусто и голо.
Но в нём ещё пели и бездна, и небо,
И Ангел трубил, созывая к престолу.

4

Но тень набежит, и дохнёт непогода.
Вена во власти безумной метели.
Слышит ли кто те небесные ноты
В ночь, когда он умирает в постели?

Плачет жена и подносит микстуру,
И обессиленно падает в кресло.
Но до последнего партитуру
Держит в руке, задыхаясь, маэстро.

О, как торжественны звуки латыни,
Что в покаянные лягут напевы.
Музыка Моцарта не покинет,
Будет с ним рядом в День гнева.

САЛЬЕРИ

*Попытка первого императорского
капельмейстера Сальери покончить
с собой не удалась; по приказу
императора его поместили в дом
умалишённых.*

Вена, 1823 год. Газетное сообщение

*Хотя я смертельно болен, я хочу
заверить Вас честным словом, что
нет совершенно никаких оснований
для этих абсурдных слухов. Вы
знаете, о чём я: Моцарт, что я якобы
отравил его. Но нет. Это — злобная
клевета, одна только злобная
клевета. Скажите миру, дорогой
Мошелес, что старый Сальери на
краю смерти сам Вам это сказал.*

*Пресвятой Боже,
смилуйся надо мною, —
последние слова Антонио Сальери.*

1

«О, скорбный дом, зачем я здесь, откуда
В меня вошли растерянность и страх.
Ты, кто дарил мне музыку как чудо,
Антонио оставил в дураках.

Несчастные рычат здесь, словно звери,
О, Господи, но где ж твоя любовь?
Я помню крик: «С ума сошёл Сальери» —
И суматоху, и на бритве кровь.

И прояснение. И тоску. И ярость.
Уныние и слёзы на лице.
Что в жизни прожитой от прошлого осталось,
О чём печалиться, и что любить в конце?

О, мой Отец, ты примешь ли раскаяние,
Я припадаю ниц, себя кляня.
Ты благ и мудр, и я твоё создание,
Но музыка покинула меня».

2

И было ль наяву, иль только снится,
Сосед во сне кричал, безумно зол.
Сальери выбрался из замершей больницы,
Накинув на плечи потрёпанный камзол.

Дремали санитары на кушетках,
Скрипели половицы под ногой.
И по стеклу скребли, пугая, ветки,
Где ливень шёл бушующей стеной.

И город будто вымер до рассвета.
Провёл ладонью мокрой по лицу.
Ударил в спину налетевший ветер,
Толкая к центру города, к дворцу.

Да, мне туда. Подумал отрешённо.
И мысль о Моцарте мелькнула стороной.
И потянулись окна и колонны
Вдоль залитой водою мостовой.

3

«Да! Что о Моцарте. Он был любимец сердца.
В «Волшебной флейте» есть один мотив.
Ла-ла, та-та, божественное скерцо...
И духа дерзкого в бессмертие порыв.

Бессмертие, но кто его достоин,
Коль в мире царствуют безумие и тлен.
Я слаб рассудком, я совсем расстроен,
Их вместо музыки я получил взамен?

Напрасно к небесам взывать и плакать,
Что я для неба? Страждущая мышь.
Цепляет за ноги безумие и слякоть,
Того гляди, в канаву угодишь.

4

В газетах врут, распространяя бредни,
Что в смерти Моцарта Сальери виноват.
Но я знавал творца восторг победный.
А кто творит — тот не приемлет яд.

Не слыл Сальери царедворцем гордым.
Монаршей милостью к Олимпу вознесён.
И музыка была его свободой,
В которой всё и благо, и закон.

Небесный дар — алмаз, да без оправы.
И потрудиться надобно сперва.
И было б глупо состязаться в славе,
Ведь публика... она во всём права.

Она Сальери избрала кумиром,
И что с того, у Вольфганга свой путь,
Коль музыка не ноты для клавира,
Она порою разрывает грудь.

О, Господи, в твоих руках я глина,
Твоё ли имя прошепчу, как стон».
Сальери долго смотрится в витрину:
Вот тот старик, неужто это он?

Он жив ещё, но для музыки умер,
Его отпели молнии и гром.
Ученики: Бетховен, Лист и Шуберт —
Маэстро в оный час вспомнят за столом.

5

Входная дверь с трудом, но отворилась,
Шагнул вперёд, рукой сжимая грудь.
«О, Господи, за что такая милость?
Ты силы дал пройти последний путь».

Всё в опере торжественно, как в храме,
Откуда здесь необъяснимый свет.
И эхо бродит в оркестровой яме,
Где, кроме тени, никого и нет.

Но он же помнит всё до мелочей:
Там контрабас, там лютня, там валторна
В неверном свете тающих свечей.
Звучала музыка печально и задорно.

И певческий случался поединок,
За увертюрой пролетит пролог.
Всё на потребу музыке единой,
Там, где Сальери — царь и раб, и бог.

Какие здесь блистали примадонны.
Поклонники бросали им цветы.
С великим Гайдном постигал законы
Гармонии и ясной простоты.

Взмахнёт рукой, и музыки дыханье
Объемлет вдруг земное естество.
И шепчет он, срываясь на рыданье:
«Не верьте слухам, я любил его».

6

И отчего так сердцу стало тесно,
И чьё лицо выхватывает взгляд?
«Так ты пришёл, Сальери, друг любезный,
Я жду тебя который день подряд.

Сегодня разыгралась непогода,
Как будто в небесах затеян спор.
А я, представь, записываю ноты
Дождя и ветра в тоне до минор».

И посмотрел с улыбкой и открыто,
С прищуром молодых весёлых глаз:
«Я на досуге набросал сюиту.
Ты посмотри, там славный контрабас».

«Но, Моцарт, ты же умер в девяносто первом,
И катафалк, и никого окрест.
И галки все галдели на деревьях,
Как в перерыве оперный оркестр.

До кладбища тебя не проводили,
За гробом шли до городской черты.
Ты четверть века почишь в могиле
Иль ты воскрес? И это вправду ты?»

«Ах, друг Сальери, что ты, брат мой, что ты,
В тебе живут растерянность и страх,
Ведь жизнь и смерть — всего лишь только ноты
На главной партитуре в небесах.

И мы из тех, кто чувствует острее,
Кто понимает смысл и ход времён.
И гений духа, Моцарт ли, Сальери
На это пониманье обречён.

Ты помнишь «Реквием». Я угадал три звука,
Почувствовав дыхание Его.
Теперь я знаю, как звучит разлука
И смертный страх, и жизни торжество».

Всё наяву иль это всё приснилось,
И он открыл в последний раз глаза.
И стихло всё. От Вены откатилась
К рассвету ослабевшая гроза.

7

А журналист, не сдерживая шага,
вбежал за новостью под этот скорбный кров:
«Сальери жив?» — «Отмучился бедняга.
День протянул, а там и был готов».

«А перед смертью что сказал маэстро?
Он отравление подтвердил наверняка?
Раскаялся? Ведь это всем известно,
Вся Вена осуждает старика».

«Да нацарапал на листке молитву,
Но по секрету я открою вам.
Он улыбался, и глаза открыты,
Как будто он увидел что-то Там».

БРАТЯ

1

Сын, мучим голодом и жаждой,
сбивая босы ноги в кровь,
Не мог представить, что однажды
Вернётся под родимый кров.

Откуда он ушёл когда-то
В край незнакомый и чужой
За жгучей страстью, звоном злата,
За волей и за новизной.

Всё было так легко и ясно.
Кружило голову вино.
И всё казалось, жизнь прекрасна.
Иного просто не дано.

Иного быть не может, кроме
Того, что хочет естество.
И мыслей не было о доме,
Где любят и где ждут его.

2

Но, вдруг очнувшись в чистом поле,
Где свинья рыли корешки,
Заплакал о несчастной доле,
От униженья и тоски.

Друзья, подруги, развлечения —
Куда ушли, кого винить.
И жадно стал копать коренья,
Чтоб голод лютый утолить.

Толкались свиньи где-то рядом,
В его ушах — урчанье чрев.
За день мытарств ему наградой —
Похлёбка и вонючий хлев.

И только сны его спасали,
Где рощ осенних желтизна,
Где только радость без печали
И радуга, и тишина.

И стол, где яств разнообразье,
И гости, благости полны.
Что может быть для нас прекрасней,
Чем вид родимой стороны?

Так видел он и просыпался
С улыбкой ясной, но всегда
Он с головою окунался
В пучину страха и стыда.

3

И вот, отчаявшись, под вечер,
Свернувшись на тряпье в хлеву,
Он стал мечтать о близкой встрече
С отцом и с братом наяву.

И в путь отправился далёкий,
Страшась в тот миг лишь одного,
Что вот давно прошли все сроки
И вряд ли вспомнит кто его.

«И пусть», — он думал, отгоняя
Бессонных мыслей круговерть.
Что коль родные не узнают,
То лучше дома встретить смерть.

И быть слугой отцу и брату,
С восходом начинать свой день.
Каким глупцом он был когда-то,
Что променял свой дом на тень.

Что так призывно улыбалась
И обещала целый мир.
Что от неё ему осталось,
Когда он брошен, наг и сир.

4

И дни прошли, прошли недели,
Он, исхудавший до костей,
Услышал, как выводит трели
В знакомой роще соловей.

И показалось, сновиденье
Опять представилось ему.
И вдруг упал, и на коленях
Пополз к порогу своему.

Отец, глазам не веря старым,
Застыл без мыслей и без слов.
И слуги подхватили парой
Бродягу из чужих краёв.

От плача вздрагивали плечи,
И он припал в слезах к Отцу,
Что, потрясён неожиданной встречей,
Всё гладил сына по лицу.

Всё всматривался, не узнавая
И узнавая в тот же миг.
Он плоть от плоти, кровь родная,
Что всей душой к нему приник.

И, наконец, он улыбнулся,
И приказал созвать гостей.
«Мой сын был мёртв, но он вернулся
К Отцу из внешней тьмы страстей», —

Сказал, а сын стоял блаженный,
Ещё не веря в чудный сон.
Но вот деревья, крыша, стены,
Где он когда-то был рождён.

Свободным. И звенели птицы,
И солнце завершало круг.
И он не мог не насладиться
Тем миром, что лежал вокруг.

Мир возмужания и детства,
Но снова сердце обожгло,

Как он, истребовав наследство,
Ушёл тогда Отцу назло.

Как будто бы забился в угол,
Чтобы укрыться от Отца.
Но шумно хлопотали слуги,
Готовя тучного тельца.

5

И званный пир без перерыва,
Ломился от избытка стол.
Но старший сын, взглянув ревниво,
Глаза с усмешкой отвёл.

С живой обидою ребёнка
Твердил себе: «Ну, почему?»
Ведь даже малого козлёнка
Не позволял Отец ему.

В своих желаниях не волен,
Жил под отцовскою рукой.
Но неужели не достоин
Он даже малости такой?

Вставая затемно, на поле
Спешил и силы не жалел.
А этот, вырвавшись на волю,
И долго спал, и сладко ел.

Дни проводил в пирах богатых
И, не приученный к труду,

Сбежал в родимые пенаты,
Едва почувствовал нужду.

Как будто не нанёс обиды,
Не осквернил домашний храм?
И вот сидит с печальным видом,
Пуская пыль в глаза гостям.

И разом позабыты беды,
Своё справляет торжество.
В одежды лучшие одетый.
И перстень на руке его.

И в честь него телец дымится,
И льётся терпкое вино,
Инжир, гранаты, чечевица —
Всё слугами разнесено.

И кто не рад хорошей пище
Под звуки музыки в саду!
Но старший сын презренным нищим
Себя почувствовал в аду.

6

Недобрых мыслей вереница
Его брала в незримый круг.
И он хотел отгородиться
От пира, что шумел вокруг.

Ведь он был прав и верил в это.
Своим отечеством дыша,

Он чтит отцовские заветы,
Не отступая ни на шаг.

Где справедливость? Где награда
За долгий и упорный труд?
Когда бездельнику так рады,
Зачем тогда он нужен тут.

И блудный сын Отцу дороже
Того, кто с ним все дни встречал?
Он радость и печаль здесь прожил,
Он собирал, не расточал.

И верность — звук пустой, не боле,
Никто за грех свой не в ответе?
Отцовской не подвластный воле,
Бежишь, куда подует ветер?

Но от метаний мало толку,
Коль что имеем, не храним?
И где граница между долгом
И своеволием своим?

7

Зачем же он Отцу послушен,
А не блудник из дальних стран?
И голоса казались глуше,
Когда с полей напoлз туман.

Всё стало дальним и неверным,
И в сумерках растаял Дом.

Он чувствовал, как в сердце скверна
Себе уже свила гнездо.

Но не хотел освободиться
Иль, может быть, уже не мог?
Он был как пойманная птица,
Едва затянется силок.

К Отцу на миг бы прикоснуться,
Но он в кругу пустых теней
Как будто спал, и сил проснуться
Не находил в душе своей.

О, волю б дать слезам горячим,
Но словно бы окаменел.
И позже, взгляд угрюмый пряча,
Со слугами поодаль сел.

8

С востока близилась гроза,
Всё под навес несли из сада.
Но поразили вдруг глаза
По-царски встреченного брата.

В них не было притворных слёз,
Хотя он и искал приметы.
А только стыл немой вопрос:
«О, Господи, за что мне это?»

Через мгновенье тут и там,
Слетали капли дождевые,

И брат смотрел по сторонам,
Как будто видел всё впервые.

Как будто бы века прошли,
Как он оставил Дом до срока.
Кричали в небе журавли,
И плач их слышен был далёко.

И перстень вспыхивал и гас,
И эта малая подробность
Ему открыла лишь сейчас:
Сей перстень — знак вины и скорби.

И не в одеждах дело тут,
А в том, что бьётся под одеждой,
И где свершился Божий суд,
Даря в отчаянье надежду.

И край небес горел огнём,
Гуляли ветры на просторе.
Ненастьем окружённый Дом
Стоял скалою в бурном море.

9

От мыслей пухла голова,
Господь скупился на ответы.
Но проступала синева
Сквозь тучи, порванные ветром.

Где громыхнуло напослед,
И отступила непогода.

И в небесах рождённый свет
Коснулся всех поочерёдно.

И снизошла ли благодать
Иль только свет играл на лицах,
Но не дано предугадать,
Как в сердце нашем отразится.

Где старший сын увидел тьму
И, вспыхнув, выгорела скверна.
Отец, позвав, сказал ему:
«Ты был и остаёшься первым.

И всё моё — твоё, но брат
И сын был мёртв, но ожил внове.
Пускай безмерно виноват,
Он воскрешён теперь любовью».

10

В жаровне догорят угли,
Где за столом остались трое...
И будут плакать журавли
Не раз над этой стороною.

Случится всякое в судьбе.
И душу истерзают тени,
Но повторит стократ себе:
«Где есть любовь, там есть спасение».

СМУТА

1

Нас ли, многогрешных, не осудит,
Кто исполнил заповедь любви?
Отче Сергей, мы погрязли в блуде,
Мы попрали чаяния твои.

Путь потерян в обступившем мраке.
Русь кончается, и нет углей в золе.
Аки волки, рыскают поляки.
Самозванец царствует в Кремле.

Расплодилось на Руси иуды.
Не пугает их небесный суд.
И спасёт ли нас над бездной чудо
Или же потомки проклянут?

Коль бояре иноземцев кличат
И народ московии бурлит.
Русь святая — польская добыча?
Или нас Господь не защитит?

2

Ах, молится б день и ночь бессонно,
С Богом покаянно говоря.
Но чернец, поцеловав икону,
Вышел из ворот монастыря.

Посмотрел налево и направо,
Где заря как золотом шитьё.
Велика московская держава,
Только где ж теперь искать её?

Год иди — ни веры, ни закона:
Басурмане да разбойный люд.
А в котомке требник и икона,
И, даст Бог-то, их не отберут.

3

Кружит коршун над равниной голой.
Солнце затерялось в облаках.
Тернием, заросшим суходолом
Он идёт с молитвой на устах.

Путь его лежит в пространстве диком:
То погост, то половицкий шлях,
То крестьян изнеможённых лики,
Что с утра поклоны бьют в полях.

То колодец, высохший, по ходу,
То поля, где чернокрылый грач.
То своей убогою подводой
Правит молчаливый бородач.

К горизонту тянется дорога.
Что обрящешь там, в конце пути?
А возможно ль добрести до Бога,
Если так без устали идти?

И сказать ему: «Отец небесный,
Нежить распоясалась кругом.
Или вовсе стала бесполезной
Русь святая в замысле Твоём?

Что замыслил ты про нас, убогих,
Что наслал из сопредельных стран
Ненавистников твоих уставов строгих
И смутил посадских и дворян?

Недород и страшные знамения
Поселили смуту в головах.
Через беды ль будет вразумление
Иль держава обратится в прах?»

Сколько не пытай — ответов нету.
В стоге сена ждёт его ночлег.
В небесах хвостатая комета
Продолжает свой кровавый бег.

4

Двух шмелей тяжёлое гудение,
Танцевавших рядом на цветах.
И в дремоте чудное виденье,
Древний город на семи холмах.

И, услышав тихие ответы,
Он заплакал, и открыл глаза.
И увидел, как наносит ветром
Облака, где вызрела гроза.

ПОВЕСТЬ О СЯТИТЕЛЕ ВАСИЛИИ РЯЗАНСКОМ

1

Не донесло до нас преданье,
Где преподобный был рождён.
Но церковью святой с пелён
Он освящён на подвиг ранний.

В убогой монастырской келье
Он подвизался много лет,
Монашеский храня обет
И в сердце Божие веселье.

В те годы Русь под игом тлела,
Как уголь тлеет под золой,
Её истерзанное тело
Держалось церковью святой.

2

От Мурома ж осталось мало.
Пустели берега Оки,
И разбегались мужики,
Едва нахлынут степняки
Горячей лавой на Купалу.

И Божий храм стоял, ветшая,
С резным узором на дверях,

Где под застрехой вился птах
И ветер гнал по граду прах,
Его до облаков взметая.

3

Не помышляя о награде,
Грехи вычерпывал до дна.
Но полегчали бремена,
И княжий двор поставлен в граде,
И церковь в нём обновлена,

И князь призвал его по чести
Нести святителя труды,
И взял правления бразды
Во дни разора и вражды
Святой рачитель благочестья.

И утешая безутешных,
И усмиряя грубый нрав,
Он приводил к причастью грешных,
Их беды как свои приняв.

Ока, ярясь, катила воды.
Стервятник нарезал круги,
Грозилась пришлые враги
Отнять последнюю свободу.

О, сколько сгинуло народа
За годы княжеской вражды.
И только Божии труды
Утихомирили невзгоды.

4

Но сеет смуту дух нечистый
В сердца, нестойкие в любви,
Так гад, скользнув в траве росистой,
В пята ужалит до крови.

Услышал где-то пустомеля
Слух, раззадорив муромчан,
Что, дескать, наш епископ делит
С девицей ложе по ночам.

Молва стоустая, как ветер,
Что пыль разносит по дворам,
Заголосила тут и там,
Что, мол, за этот стыд и срам
Архиерей повинен смерти.

И злобою пылали лица,
Когда к святителю толпой
Пришли в навете убедиться,
А бес в обличии девицы
Вбежал по лестнице крутой.

И в дверь шмыгнул, безликой тенью,
Где по углам таилась тьма.
И помрачением ума
Отозвалось в сердцах виденье.

«Вот-вот она. Внимайте, люди,
Он сотворил великий блуд.
Мы все ему отныне судьи,
Давай Василия на суд».

И в помраченье церкви чада
Над ним вершат неправый суд.
«Нам греховодника не надо,
Изгнать Василия из града», —
Кричит разгорячённый люд.

Святитель незлобивым словом
Ответствовал, сжимая грудь:
«Ночь проведу под Божьим кровом,
А утром, что ж, отправлюсь в путь».

5

В соборном храме страстотерпцев
Молился слёзно до зари.
Любовью выболело сердце
За тяжкий грех единоверцев,
Что выжиг души изнутри.

А утром тронулся с иконой,
На берег, перешедши ров,
Апостолы во время оно
Вот так же шли через препоны
И оставляли чуждый кров.

Ладья качалась под обрывом,
На мачте парус трепетал,
И бес в неведенье пугливым,
Перебегая торопливо
Посторонился от креста.

Сейчас отчалит сей святитель,
И с глаз долой, из сердца вон.
«Ой, люди добрые, глядите,
Вон слёзы с глаз бесстыжих вытер.
Он Богом, братья, уличён».

6

Перед лицом всего народа,
Сердца жестокие смутив,
Он бросил мантию на воду,
Всех напослед благословив.

И Мать Божия с иконы
Смотрела скорбно на людей.
Епископ с поясным поклоном
Простился и шагнул к воде.

Шумела княжеская свита,
Но, Божей волею храним,
На мантию ступил с молитвой,
И ткань не дрогнула под ним.

7

И против ветра и течения,
Где подымались буруны,
Поплыл, и острые каменья,
И омуты, и преткновенья
Святому не были страшны.

Он плыл, где мглистый бор дремучий
Был полон духов и теней.
И берегов поросших кручи
Грозилы смертью неминучей,
Но смерть души куда страшней.

Там, за спиной остался Муром,
Где вдруг умолкнувший народ
В слезах смотрел за поворот
Оки, где скрылся чудный плот
Святителя, и брови хмурил.

Как будто вспыхнули дома
За башнею сторожевою...
Но только плач стоял стеною.
И душ осиротевших тьма
Нависла тучей дождевою.

Он плыл в густеющем тумане
До града стольного — Рязани.

8

В Рязани служба шла во храме.
Тянуло пылью дождевой,
И пахло мёдом и свечами,
И ладаном, и сон-травой.

Купцы, дружинники, крестьяне
Переминались, подустав.
И град престольный плыл в тумане,
В тени горящего креста.

И духом припадая к лику,
Диакон соблюдал устав.
На возгласе: «Благослови, Владыко!» —
Господь замкнул его уста.

И тишина застыла в храме,
И души одолел испуг,
Заката вспыхнувшее пламя
Как будто всё сожгло вокруг.

9

Но с возгласом: «Внимайте, люди!» —
Вдруг отступила немота.
Господь открыл ему о чуде
и разрешил от уз уста.

И в тишине, что догорела,
Молитву ангел ли пропел,
Иль вздох пронёсся по толпе,
Как ветра шум по ниве спелой.

И он воскликнул: «Слышу, братья,
Я благодатный шум Оки,
Грядёт Владыка от реки,
Владыку нашего встречайте!»

10

И пастырей собор великий,
И князь с боярами, народ
Пошли к реке встречать Владыку,
Неся кресты, хоругви, лики
В тот грозный для России год.

И где валун волною сонной
Омыт, с намоленной иконой
Святитель к берегу пристал,
И свет наперсного креста
Играл на лицах изумлённых.

И поднял мантию Владыка,
Стряхнул легонько от воды,
И как знаменье чистоты
По ткани выткались кресты
И ангелов небесных лики.

Над городом летели клики,
Исполнив радостью сердца:
«Господь почтил Рязань Владыкой!
Владыка с нами до конца».

АДАМ И ЕВА

Незавершённый День седьмой
По исчислению Господню.
В саду Эдемском дышит зной,
И змей сегодня сам не свой,
Как разболтавшаяся сводня.

Он что-то знает, он проник
В законы трепетных желаний,
Там, где родник к корням приник,
Он ловит вожаденный миг
Открыть для них иные грани.

Для тех, кто волею Отца
С утра оставлен без призора
На попечение льстеца,
Без имени и без лица,
Преобразившегося вора.

О, яблока прекрасен вид
В лучах полуденной истомы.
Где сад, как бриллиант, горит.
Ещё душе неведом стыд,
Но чувства вспыхнут, как солома,

Едва к ним поднести огонь
Познания. И нетерпенье
Уже сквозит в живом движенье,
И раскрывается ладонь
Принять и боль, и наважденье

Горячей страсти, но пока
Плод созерцает только око
И блеск тревожный родника,
Спешащего издалека,
Где Евы золотистый локон

Из тени выхвачен лучом,
Как и двоящееся жало.
И жаркий шёпот над плечом:
«Не медли, милая, о Нём
Не вспоминай. Он значит мало.

Для вас. О, руку протяни.
Как вожделенно, как приятно.
Вот-вот, оно слегка в тени.
Не отводи глаза, взгляни
И ощути, как ароматно.

Запрет, а что тебе запрет?
Кто может запретить движенье?
Не вечно же ходить след в след
За тем, кто знает только «нет»,
Но «да» есть высшее значенье

Всех прочих слов, в которых свет,
Как в яблоке, где в сердцевине
На всё найдёте вы ответ,
Едва откроется секрет,
Что вы равны Ему отныне.

Вы боги, это ли не цель
Познания? Не это ль ценно?

Я вижу, в золотом венце
С улыбкой гордой на лице
Вознесена ты над Вселенной.

Богиня с пламенем в очах.
Не боязлива, словно дева,
Что побороть не может страх
Вдруг обратиться в пыль и прах,
А та, чьё имя значит Ева...»

Вотще безмолвствует Адам,
Заворожённо безучастный,
И сердце — новая звезда
Не говорит ни нет, ни да,
И, не ведом рукою властной,

Он хочет возразить, но ум
Как будто бы под пеленою,
И родника немолчный шум
Сбивает ход привычных дум
Необъяснимою тоскою.

И пауза, и тишина,
Прозрачна, как перед грозой.
Она стоит, обнажена,
Ещё помощник, не жена,
Наедине сама с собою.

И яблоко в руке. Рука
Неловко дрогнула над бездной.
И бездна женского зрачка
Как будто бы издалека
Рассматривает плод чудесный.

И брызнул сок, и тает сласть
В гортани, обжигая нёбо.
Всепобеждающая страсть,
Являя телу стыд и власть,
В себе скрывает тени гроба?

Начало или же конец
Истории? Какая тайна
Вошла в пространство двух сердец,
Сорвав покровы, наконец,
И мир явив необычайный.

Да затуманив ясный взор...
И трепет пламенный по жилам
Вдруг побежал потоком с гор,
Сметая стыд, испуг, укор,
Всё изменив непостижимо.

И, вдруг смутившись наготы,
Они зарделись от стыда.
И порожденье немоты:
Два тесных слова: «я» и «ты» —
Их разлучили навсегда.

ПЕРЕДЫШКА ДО СУДА

1

Тропинка — гравий и песок
Уводит к Волге потемневшей,
Где дуб шумит осиротевший
На перекрёстке трех дорог.

Он на ветру сквозном продрог.
Листву срывает то и дело
С корявых веток омертвельх,
И в этом может быть итог

Всех порождений и зачатий,
Невольных следствий и причин,
Но лишь один за всё заплатит.

И Лик развеет сонм личин,
Он тот, кто избежал проклятья, —
Отца послушавшийся Сын.

2

Отца послушавшийся Сын.
Так разжимает щедрость руку,
Но здесь итогом будет мука
Как развенчание причин,

В которых древняя вина,
На самом дне тысячелетий.
Но к вечеру крепчает ветер.
На берег выплеснет волна

Уже подтаявшую пену,
через минуту ни следа.
Не это ли итог Вселенной?

О, как любовь Твоя тверда,
А смерть безлика и мгновенна,
Как передышка до Суда.

3

Как передышка до Суда,
Смерть распахнёт свои объятия
И весь состав твой без изъятия
С землёй смешает без следа.

Померкнет зренье, как звезда,
Но упованьем на прощенье
Живы мятущиеся тени
В огне неложного стыда.

Когда дотла сгорают страсти,
Что остаётся в глубине?
Когда над телом дух не властен,

Как в необорном полусне,
И взор могильный сумрак застит,
Кто будет помнить обо мне?

4

Кто будет помнить обо мне?
Лишь Тот, чьё слово крепче смерти.
Последний лист срывает ветер,
И голый дуб наедине

С рекой, со стогом на стерне
И с журавлями на рассвете,
Что клином в глубь тысячелетий
Летят на звуковой волне.

И следом голос мой бесплотный,
Наполненный тоской живой,
Как никогда, теперь свободный,

Свободно слившийся с волной,
Летит над тёмным небосводом,
Не нарушая мерный строй.

5

Не нарушая мерный строй,
Услышит ли в своих чертогах,
Чьё Имя — эхо над дорогой,
Где Он несёт свой крест земной.

Чьё сердце давит мёртвый зной,
Как испытанье для убогих,
Что в жалкой плоти видят Бога,
Где только язвы, кровь и гной.

И следом тащится слепой,
Прозревший от прикосновенья,
Он потерялся за толпой.

Он слышит ангельское пенье
И только шепчет: «Бог ты мой», —
Вослед Его сердцебиенью.

6

Вослед Его сердцебиенью,
Что эхом отдаёт в горах,
Бог на Голгофе в пыль и прах
Упал, споткнувшись о каменья.

И кто готов развеять тени
И побороть бесплодный страх?
Коль уксус на Его устах —
Отцовское благословенье.

И мир, теряющий надежды,
Вдруг отразился в мутном небе,
Где воины метали жребий,
Дея Распятого одежды.

И отступил, ликуя, враг,
Но крест над пропастью безмерной
Вобрал в себя стигийский мрак.

И на весах спасенья вера,
Где Божий Сын и нищ, и наг,
Отмерил смерть свою как меру.

7

Отмерил смерть свою как меру,
Тот, кто греха отвергнул иго.
Благословенные вериги
С Его венцом достались верным...

.....

Отмерил смерть свою как меру
За мир, лежащий в нищете,
И Бог, распятый на кресте,
Соблазном стал для самых верных.

8

И тьма пришла в Ершалаим,
Разодралась завеса в храме,
И бездну охватило пламя,
Что расступилась перед Ним.

И, окружён нездешним светом,
В глубинах адовых узрел
Он души бедные без тел,
Как листья, сорванные ветром.

Они носились в исступленье,
Замкнув иссохшие уста.
И устрашала немота
Их беспокойного движенья.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэты.....	3
Адам.....	4
Дерево.....	5
Икона Андрея Рублёва «Троица».....	6
На рассвете.....	7
В парке.....	8
Осень.....	10
Переход.....	11
Слеза на щеке.....	12
«Когда и перевод не нужен...».....	13
Я научился.....	14
Эти звёзды сияют ярче.....	15
С утра шёл снег.....	16
Источник жизни.....	18
Музыка в саду.....	20
Скрипка.....	21
Метель.....	22
В сосновом лесу.....	24
Бах.....	26
Гость.....	27
Ноктюрн.....	28
За песней новой.....	30
Простые мысли.....	31
Вороны над полем.....	32
Кошка, птицы, рыбы.....	33
Кукушка.....	34
И жизнь начнётся.....	36
Молчание.....	37
Дурак.....	38
Мысли про запас.....	39
Перед Рождеством.....	40
Перед грозой.....	41
После грозы.....	42

Содержание

На Волге	43
Молитва	44
А если всё не так.....	45
Эхо	46
Утренний прибой	47
Перекличка	48
Исход	49
Отчий кров.....	50
Сорняки.....	51
Призвание	52
Прохожий	53
Перепутье	54
Небес граница	56
В храме	57
А потом прилетает птица.....	58
Нужные слова.....	59
Ветер и камыш	60
И снова в дураках.....	62
Пили водку.....	63
«Всё озеро парило...»	64
Глубина	65
Зависть	66
Двигатель прогресса	67
Идиллия	68
Чёрная кошка	70
И солнце скрылось	71
Перепутье	72
Ненастная ночь.....	73
Небесная лесенка	74
Земляничные поляны	75
Утраты	76
Шёл дождь.....	77
Не погаси свечу.....	78
Перекрёстки	79

Содержание

«Назови своё имя...».....	80
Освобождение	82
Пропуск.....	83
Покаяние.....	84
Наполеон в Москве	85
Другие времена.....	86
«Ночь. На стенах белёных...»	87
Сверчок	88
И вряд ли что наоборот	89
Кибитка кочевника	90
С учётом ветра	92
Без смысла, без любви.. ..	93
Гамлет	94
Шут	96
1793 год	97
Сторонник.....	98
Марат	100
Ван Гог	103
Египетские сонеты.....	104
Утро на Волге.....	106
Если доживаем до утра.....	110
Падение Царьграда.....	112
Волна времени	114
Санчо Панса.....	115
Пространство музыки	116

ПОЭМЫ

Моцарт	117
Сальери	120
Братья	127
Смута	137
Повесть о святителе Василии Рязанском.....	140
Адам и Ева.....	148
Передышка до Суда	152

Литературно-художественное издание

Юрий Васильевич Астанков

НАЗОВИ СВОЁ ИМЯ

Стихи

Компьютерная вёрстка — *Александр Громов*

Корректор — *Алексей Сыромятников*

Издание подготовлено

Самарской областной писательской организацией

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон (846) 333-48-01; www.litsamara.com

Подписано в печать 25.07.2023. Формат издания 70x100/₃₂.

Объём 6,5 печ.л. Гарнитура Warnock Pro. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Слово»

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 244-43-77

e-mail: izdatkniga@yandex.ru